

The book cover features a man and a woman in the upper half. The man, on the left, has short blonde hair and is wearing a dark suit with a tie. He holds a dark, glowing staff with a thorny, black, smoke-like substance emerging from its tip. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a dark, high-collared coat. She holds a golden, ornate staff with a glowing green energy or smoke-like substance emerging from its tip. The background behind them is a dark, cloudy sky with a faint, ethereal light. The lower half of the cover shows a dark, forested landscape with a path leading to a stone horse sculpture. The sculpture is highly detailed, showing the musculature of the horse's body. The overall color palette is dark, with shades of purple, blue, and green, accented by the golden staff and the man's suit.

Д.К. КАРИНА
ДЕМИНА

ОДИНОЧЕСТВО И ТЬМА
ОДИНОКИЙ НЕКРОМАНТ
ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

— Магия, меняющая мир —

Необыкновенная магия. Шедевры Рунета

Карина Демина

**Одинокий некромант
желает познакомиться**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

Одинокий некромант желает познакомиться / К. Демина —
«Издательство АСТ», 2021 — (Необыкновенная магия. Шедевры
Рунета)

ISBN 978-5-17-121333-6

В тихом приморском городке появился новый житель. Нестарый. Определенно состоятельный. И с титулом. Чем не событие? Местное общество заинтриговано, взволновано и полно слухов. Впрочем, Анне нет до этого дела. На что может рассчитывать немолодая разведенная женщина, жизнь которой вот-вот прервется? Все, что у нее осталось, – родовое проклятье и любимые цветы. И посторонним мастерам Смерти в замкнутом мире Анны места нет. Совсем нет. Категорически. Правда, некоторые мастера на редкость упрямы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121333-6

© Демина К., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	52
Глава 9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Карина Демина
Одинокий некромант
желает познакомиться

© К. Демина, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Глава 1

Когда живая изгородь из вьющихся ларрейских роз подернулась дымкой, Анна благополучно убрала руки. И вовремя. Дымка осела на глянцевых листьях, тронула тленом искрящиеся лепестки – еще бы день-два, и можно было бы заняться опылением, – спустилась к самой земле, не оставляя надежды, что хотя бы пара почек уцелеет.

Розы некоторое время стояли. Неподвижно.

А затем осыпались сизоватым пеплом. На треклятом же заборе не осталось и следа, разве что красный камень, из которого этот забор был сложен во времена незапамятные, стал будто бы ярче.

– Извините, – раздалось с той стороны. – Кажется, я несколько не рассчитал...

– Кажется, – Анна стиснула кулачки и губу закусил.

Роз было жаль. Себя еще жалче, потому как на близость темной магии проклятье отозвалось знакомой болью, предупреждая, что остаток дня будет... не слишком хорош. И на ночь придется пить обезболивающее, которого осталось на доньшке, а мастер Цеттлер и это выписывал с преогромной неохотой.

Ему все казалось, что Анна притворяется. Женщина в ее годах просто-напросто не имеет права болеть. Даже если она проклята.

– Мне очень жаль, – сказано это было весьма нейтральным тоном, который будто бы подчеркивал, что на самом деле этому человеку не то чтобы вовсе не жаль, ему просто-напросто нет дела ни до самой Анны, ни до ее несчастных роз.

А завтра все придется начинать сначала, благо в хранилище у нее осталось с полдюжины спящих кустов. Правда, сил в них придется вложить изрядно. Даже если ускорить процессы, то пока еще они на цветение выйдут.

А «птица сирий», с которой Анна и хотела сделать перекрест, того и гляди осыпаться начнет. И этот процесс у нее вряд ли получится замедлить. И что остается? Ждать следующего года.

Если она дотянет до следующего года.

– Анна, – Анна убрала с лица прядь и подумала, что выглядит она, должно быть, куда более жалко, нежели обычно. И пусть трость ее осталась у стены – еще надо подумать, как до этой стены дойти-то, – но обманываться не след. Соседу уже доложили.

И про ее хромоту. И про развод. И про общую бессмысленность существования.

В таких вот небольших городках люди точно знают, чье существование имеет смысл, а чье – напротив.

– Что?

А вот сосед на некроманта не походил совершенно. Высокий. Сухощавый, но без обычной, свойственной людям кабинетного дела сутуловатости. Кожа темная. Черты лица правильные, но при всем том какие-то... скучные, что ли? Разве что челюсть нижняя тяжеловата.

Давеча в медицинском журнале, который Анна выписывала уже скорее по привычке, нежели в надежде отыскать что-то, что помогло бы ей справиться с проклятием, она прочла презанятнейшую статейку о влиянии строения черепа на умственные способности человека.

По всему выходило, что с умственными способностями у соседа было не ахти.

С другой стороны, кольцо мастера совсем дураку не выдали бы. Или...

– Анна, – повторила она, сняв измазанные землей перчатки. – Меня так зовут. Мы не были представлены, но если уж случай выпал...

– Несчастный.

Она слегка склонила голову, соглашаясь, что произошедшее вряд ли можно назвать счастливым случаем.

– Глеб, – сосед разглядывал ее. – Белов.

С интересом. Вот с тем самым интересом, с которым Ольга Павловна, обитавшая в третьем доме, который с палисадником и мезонином, разглядывала в мясной лавке куски свинины.

– Очень приятно, – следовало бы сказать что-то еще, устанавливая те самые добрососедские отношения, с которыми у Анны совершенно не ладилось, как не ладилось с людьми в принципе. Она старательно улыбнулась, надеясь, что улыбка вышла в достаточной мере дружелюбной.

Правда, вновь напомнило о себе проклятье, но у Анны получилось не застонать.

Если подумать, к боли она давно уже привыкла, а что до остального...

– Сколько я вам должен?

Волосы у мастера Глеба были светлыми. И вправду Белов. Выгоревший на солнце, и только серебристые нити седины поблескивают, будто кто припорошил пряди модной в нынешнем сезоне блестящею пудрой. И брови тоже светлые и выделяются на загоревшей дочерна коже.

– За розы, – терпеливо повторил он. – Сколько?

– Сто двадцать рублей.

– Сколько?! – вот теперь он удивился.

– Это ларрейские. – Анна стиснула кулачки, пытаясь отрешиться от боли, которая ныне была как-то чересчур уж сильна. – Ампельные. Сорт «морозная ночь». У меня есть каталог и...

Он взмахнул рукой, обрывая поток нелепых ее объяснений.

У нее никогда-то не получалось просто говорить о том, что ей нужно. И это злило людей. Они сдерживались, как вот бывший супруг Анны или этот мастер, который едва заметно поморщился.

– Двадцать пять рублей саженец. Четыре куста.

Она могла бы и отступить.

Сумма не так уж и велика, все одно ей содержание тратить особо не на что, а розы... розы еще остались. И если скрестить не с «птицей сириной», а с «вяземской дымчатой», может получиться интересно. Особенно если попытаться закрепить и немного осветлить тот характерный и вправду дымчатый оттенок.

– А за работу? – Глеб смахнул пыль с невысокой ограды, разделявшей два участка. Или это была не пыль, а пепел, оставшийся от роз? – Вы ведь маг? Жизнь, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь.

Жизнь.

Только слабенькая, ее и хватает разве что на цветы. Было время, Анна в целители пойти мечтала, будто чувствовала, что пригодится. Но не взяли.

Перегоришь, деточка. Одного желания мало. Тебе чего попроще бы, поспокойней...

И она согласилась. Она всю жизнь со всем соглашалась, пока не поняла, что ничего-то хорошего из этого согласия не выходит.

Но сосед ждал ответа. И Анна вновь вздохнула:

– Я только начала... первый этап, поэтому... просто за розы.

Глеб слегка наклонил голову. И что бы это могло значить? Согласие? Или... ничего? И почему молчит? Надо ли Анне что-то сказать? О погоде вот? О ласточках, которые в этом году появились раньше обычного? Они свили гнездо под крышей и теперь каждое утро будили Анну чириканьем. А в старом саду, который некогда принадлежал действительному училищу первой степени, поселились соловьи.

Училище еще три года тому расформировали, и белые длинные строения медленно разрушались. Поговаривали, что вот-вот город передаст их в руки благотворительного комитета с тем, чтобы организовать приют, но то ли слухи были неверны, то ли обыкновенная бюрократия мешала благому делу, но сад дичал, а соловьи в нем чувствовали себя весьма вольготно.

Там было спокойно. Безлюдно.

– Что ж, – Глеб отступил от ограды, разрушая затянувшуюся паузу, – мой ученик занесет. Был рад знакомству.

– Я тоже. – Это было, пожалуй, вежливо.

Он отступил. И еще. И только затем повернулся спиной и широким шагом направился к дому.

И лишь когда он удалился на привычное расстояние, Анна позволила себе опереться на сливу. Дерево отозвалось на прикосновение волной тепла, но ее было недостаточно, чтобы унять боль.

Ничего. Она сможет. Она сильная... всего-то и надо, что сделать пять шагов, даже четыре, а там руку вытянуть, коснуться трости. И жаль, что в отличие от того фокусника с прошлогодней ярмарки Анна не владеет искусством переноса предметов. Было бы весьма полезно.

До стены она все же добралась, хотя левая нога совершенно онемела и переставлять ее пришлось руками. Ничего. Пройдет. С тростью, оно легче.

А дома и вовсе хорошо, если лечь на пол и лежать, просто лежать, разглядывая потолок и думая, что вся ее жизнь как-то не задалась.

Почему?

Анна появилась на свет в Петергофе, столице, в семье среднего достатка, но немалых амбиций. Папенька ее, служивший при госпитале старшим целителем, обладал изрядной силой и умением, принесшим ему определенную известность. Как-то скоро он сменил один госпиталь на другой, где пользовали уже публику иного свойства и дохода, а следом и на третий, коему покровительствовали его императорское величество, и сей факт открывал немалые карьерные перспективы.

К сожалению, не сбылось...

О батюшке Анна, к стыду своему, помнила весьма смутно. Он был крупным. Шумным. И вечно недовольным, то ли отвратительной бездетностью матушки, которая только и сумела, что произвести на свет лишь болезненную дочь, то ли просто несоответствием этой тихой женщины, пребывавшей всецело в молитвах и постах, своему новому положению.

От отца пахло больницей и скандалами.

Правда, стоило сказать, что в квартире их, расположенной на пятом этаже доходного дома, он появлялся редко. После уж Анна поняла, что вовсе не из любви к работе, точнее, не к одной работе, но...

Матушка молилась. Она молилась утром. И днем. И вечером тоже. Она находила в молитве то успокоение, которое не способна была отыскать в семье, оставив и мужа, и дочь, и квартиру на старуху Кулмыкину, числившуюся какой-то дальнею родственницей. Та же, пребывая в убеждении, что многоуважаемому Платону Орфеевичу в жизни не повезло, не упускала случая упрекнуть этим невезением Анну.

Что ж, нельзя сказать, что детство ее было вовсе безрадостно.

Она не голодала. Даже когда батюшка погиб совершенно нелепо, даже позорно, ибо нашли его в веселом квартале, пьяным и мертвым, – выяснилось, что при всей нелюбви своей к Анне – а он желал сына и наследника, продолжившего бы дело и, чем не мечта, основавшего бы новую династию целителей, – позаботился о ее будущем. Он полностью оплатил обучение Анны в небольшом, не слишком известном, но все же имеющем хорошую репутацию пансионе, где помимо обычных грамматики и чистописания преподавали и основы магической науки, предоставляя о том соответствующую бумагу. Помимо прочего, Анне определили содержание, отдельное от матушки, верно прекрасно понимая, что все деньги любезная Евлампия Егорьевна потратит скорее на страждущих, нежели на родную дочь. В общем, когда матушка изъявила желание уйти от мира, для Анны ровным счетом ничего не изменилось. Разве что отпала

необходимость посещать дом на выходных, но о том Анна не жалела, ибо визиты эти оставляли в душе премерзкое послевкусие.

Что до пансионата, то там Анне нравилось. Пусть и не обзавелась она подругами в силу собственной нелюдимости и характера, который наставницы, вздыхая, в один голос объявили тяжелым, но учеба ей нравилась. Она же сама была тиха, спокойна и не доставляла проблем, чем со временем заслужила если не любовь почтенной госпожи Ветельской, то всяко ее благодарность.

Интересно, отчего отец не понял. Ведь если проклятье существовало, если оно пряталось в Анне с рождения, то он бы знал.

Тогда почему не сказал? Не счел нужным? Анна была не так и мала, когда отца не стало.

Или не о чем было говорить? Он, как и многие иные целители, обладал на редкость неуживчивым, тяжелым нравом, который обострялся, когда оказывалось, что некая болезнь не желает уступать. Что, если проклятье было не по силам ему?

Никому не по силам.

Стало быть...

На память о заведении госпожи Ветельской Анне остался аттестат с отличием, выправленный по установленной форме, благодарственное письмо и сертификат, позволяющий применение силы в воздействиях до пятого уровня. А заодно уж рекомендации, которыми Анна и воспользовалась. Поступать в университет она не решилась, а вот на Изготовские курсы ее взяли сразу, правда, совсем не туда, куда хотелось, но...

Никто не виноват. Просто дар. И правила. Правила надлежит соблюдать, а маги жизни нужны не только в госпиталях. С растениями же Анна управлялась с легкостью, и они к ней тянулись, чувствуя родную силу. Пожалуй, те два года были самыми счастливыми в ее жизни.

Она была свободна. Училась. И будущее представлялось ей если не радужным, то всяко чудесным. Душа ее ждала чуда, а сердце трепетало в предвкушении чего-то, несомненно, волшебного, способного переменить всю тихую ее жизнь.

С супругом своим Анна встретилась в библиотеке.

Нельзя сказать, что она влюбилась сразу. Скорее уж обратила внимание на сдержанного, задумчивого юношу, который книгам уделял куда больше внимания, нежели девушкам.

– Лазовицкий? – соседка Анны, с которой она вынуждена была делить комнату, потому как снимать отдельную было весьма накладно, знала все и обо всех. – Божечки... два книжных червя не могли не найти друг друга. Он же тоскливый, как... как клизма!

Ольга наморщила носик.

– И ко всему совершенно бесперспективный. Сама посудите. Семья средняя, он третий сын, дело отойдет старшим. Да и того дела – пара скобяных лавок. Силы в нем капля, чудом поступил. Если хочешь, я сведу тебя с Ивлевским. Он, конечно, туповат, но зато при деньгах.

Никанор Лазовицкий и вправду был небогат. Не особо привлекателен. И силой обделен.

Он первым подошел к Анне, когда у нее не ладилось с начертательной магометрией. Все же формулы высшего порядка, которые проходили на курсах, ибо положено сие было, давались ей тяжело. И она мучилась, пытаясь вывести показатель преломления силы в берилловом накопителе, ограненном розой, при условии...

Задача казалась ей непосильной. И не только ей, следовало сказать.

– Помочь? – Никанор навис над столом. – Если, конечно... – Он слегка покраснел.

– Буду рада, – Анна тоже покраснела.

Тем вечером они покинули библиотеку вместе. Душу грели решенная задача – в объяснении Никанора она разом утратила былую сложность – и его внимание.

А затянущаяся прогулка стала первой из многих.

С Лазовицким Анне было спокойно. Уютно. И еще он умел рассказывать, причем, казалось, обо всем на свете. О запуске ли нового завода, построенного на Урале, о звездах ли или же все той же магометрии, в которой Анна стала, к удивлению для себя и преподавателя, неплохо разбираться.

Спустя месяц Никанор поцеловал ее.

Еще через два сделал предложение, которое Анна приняла. К тому времени она уже не мыслила себе жизни без него, и пусть бы Оленька фыркала, сама перебирая ухажеров, что бисер, Анне было безразлично.

Свадьба была тихой.

И лишь полная матушка Никанора, оглядев невесту, покачала головой:

– Мог бы найти и кого получше. Ишь, хилая какая...

В первый год они снимали комнатку на окраине. Анна устроилась в цветочный магазин, благо курсы дали не только умения, но и бумагу, позволявшую применять заклятья до второго уровня включительно, а с ней и очередные рекомендации. Никанор учился.

Он все же поступил в университет.

– Дура. – Оленька пригласила Анну на свадьбу, прикрепив к приглашению просьбу заняться цветами. – Он на тебе ездит. Это муж должен жену содержать, а не наоборот.

– Нам хватает. И я счастлива.

Она и вправду была счастлива – что в крохотной их комнатке со скрипучей кроватью и хозяйкою, которая, казалось, никогда не спала, что в магазинчике с ворчливой его владелицей. Платила та скуповато, но...

Спустя год Анну пригласили в другую лавку, а там и в третью.

Денег не стало больше, ибо выяснилось, что учеба в университете отнимает не только силы, но и финансы. Правда, нельзя сказать, что Никанор вовсе сидел без дела. Он писал контрольные работы, брался помогать состоятельным приятелям, многие из которых испытывали определенного рода трудности с наукой, да и вовсе с радостью хватался за любое дело. Помогало содержание от батюшки, правда, оно иссякло, когда Анне исполнилось двадцать пять. Но к этому времени Никанор все-таки получил вожеленный диплом, и матушка его, ставшая лишь толще, сказала, не особо чинясь Анны:

– Разводись. Кого получше найдешь. А эта больная, если до сих пор порожняя ходит. Вон у Стешика трое уже...

К счастью, с госпожой Лазовицкой Анна встречалась редко.

Тот год запомнился грозами.

А Никанор открыл свое дело, на что ушли сто тридцать семь рублей, которые Анне удалось собрать. Ей хотелось на море, но дело важнее.

Крохотная конторка на окраине города. Объявление в газетах. Два месяца тишины, и Никанор, становившийся день ото дня мрачнее...

Но у него получилось. Как? Анна и сейчас этого не представляла. Просто... получилось.

На море она отправилась спустя два года. Одна. У Никанора были дела и клиенты, оставлять которых он не имел права, пусть бы ныне в его конторе числилось с полдюжины человек, но ведь за всеми нужен пригляд. А дело растет.

И вправду росло. Сперва они переехали в небольшую, но зато собственную квартиру, затем, не прошло и года, сменили ее на другую, в месте куда более приличном. И на третью...

Дюжина комнат. Белый рояль. Столовая, где ныне надлежало обедать и ужинать, – к счастью, Анне позволено было сохранить ту любовь к завтракам на кухне, которая свойственна особам простого происхождения и простого же образования. Кухарка. Горничные.

Снова воды, на сей раз с компаньонкой, ибо госпоже Лазовицкой не стоит давать повода для сплетен. Несколько недель у моря в компании женщины, несомненно, достойной, но все

одно чужой. Редкие звонки мужу – в отеле имелся телефон. И то горькое ощущение, названия которому Анна не знала.

Печаль? С чего бы ей печалиться? Теперь у нее имелась отдельная гардеробная, а в ней гардероб, достойный госпожи Лазовицкой. Соболье манто. И сафьяновые сапожки из мастерской Филатова. Шляпки, перчатки, пояса и веера. Шали. Горжетки.

Чековая книжка, которой Анна, говоря по правде, несколько стеснялась пользоваться. Но, несмотря на осторожность, гардеробная наполнилась, а ее жизнь становилась... не такой. Никанора она видела редко и встречи те были коротки, суетливы, будто бы она, Анна, краля время или даже чужую жизнь.

– Потерпи, – сказал Никанор, когда однажды она все же решилась выказать нет, не совсем чтобы недовольство – с чего бы ей быть недовольной? – но удивление. – Ведь дело растет...

Оно росло и поглощало все вокруг.

Приятельниц Анны, которые вдруг оказались вовсе не того положения, чтобы принимать их в доме. Нет, Анна приглашала, но... разговоры все сводились к успехам мужа и его деньгам, к попыткам узнать, во что обошелся вот тот гарнитур из белого нефрита или дорого ли ныне держать прислугу. В этих разговорах, во взглядах Анне виделась зависть.

Работу, ибо невозможно, чтобы женщина ее положения трудилась в какой-то лавке. Нет, Никанор лавку ей купил, чтобы не скучала. А в новом особняке, который возводился по его проекту, заложили оранжерею и сад. Но лавкой ведал управляющий, человек мрачный и недовольный жизнью, полагавший Анну состоятельной бездельницей. Не без причины.

А в доме... они въехали в него зимой, в огромный гулкий особняк, показавшийся Анне чересчур уж большим. Как не заблудиться в таком?

Она и блуждала целыми днями, не имея желания наносить визиты, – все те люди, которые вдруг заинтересовались Анной, были ей незнакомы и потому заранее пугали. Кажется, именно тогда она потихоньку начала осваиваться со своим одиночеством. Оранжерея спасала.

А вот к саду ее не допустили. Им занимался человек опытный, оттого несколько авторитарный и не склонный учитывать пожелания каких-то там недоучек, пусть бы и были они женами миллионеров.

Спина заняла совсем уж невыносимо. И Анна, порадовавшись, что окна первого ее этажа прочно защищает рубиноволистный плющ, подняла ноги. Если упереться ими в софу и согнуть в коленях, станет легче. Ненамного, но все же...

Глава 2

Матушка Никанора стала частой гостью. Она, пожалуй, и вовсе не отказалась бы поселиться в особняке, однако здесь Никанор проявил прежде несвойственное ему упрямство и приобрел матушке собственный дом.

Еще один – брату. И второму тоже. Более того, он готов был приставить их к делу, хотя, по собственному признанию его, особыми способностями брата не блистали, но все же родня... Не важно.

Госпожа Лазовицкая обычно появлялась без предупреждения. Она держалась хозяйкою, всем видом своим показывая, что именно с нею и следует считаться. Она находила пыль. И пеняла Анну за нечищенные каминные решетки. Впрочем, только бы за них...

– Пора рожать, – она тыкала толстым пальцем в живот Анны. – А то где это видано... связался на свою голову с пустоцветихой...

И громкий ее голос разносился по комнатам. В такие минуты Анна совершенно терялась. Ей хотелось уйти, запереться в оранжерее, пожалуй, единственном месте в доме, которое Анна могла бы назвать своим, но от госпожи Лазовицкой было не так просто избавиться. И стоило признать, что она была права. Анна давно уж заподозрила, что с нею неладно, но...

С тем, прежним, Никанором она, быть может, нашла бы в себе силы поговорить, а нынешний ее пугал.

Она решалась. Долго. Она выбирала момент, а выбрав, сумела сказать:

– Кажется, я не совсем здорова.

Тот разговор получился недолгим, мучительным, несмотря на то, что Никанор проявил немалое терпение – с возрастом он сделался весьма раздражителен и нервозен, хотя и в прежние годы не мог похвастать легкостью характера. Но тогда...

– Мы найдем лучшего целителя, Аннушка, – он обнял ее, хотя давно уже не прикасался хотя бы так. – Тебе не о чем волноваться. Ах, знала бы она...

Боль то стихала, то вновь разливалась жидким пламенем. И кажется, Анна заплакала. Впрочем, стыдно не было: все одно никто не видит. К счастью.

Мастер Горский и вправду слыл отличным целителем. Поговаривали, он пользовал даже ее императорское высочество, которая уродилась на диво слабенькой. Впрочем, сколь правды в этих слухах, Анна не знала.

Слухи ее вообще интересовали мало.

Сам мастер был подавляюще огромен. Ей особенно запомнились светлые глаза и густые брови, сросшиеся над сломанной переносицей.

– Что ж вы, милочка, распечалились? – он говорил громко и трогал лицо Анны теплыми пальцами, которые, казалось, оставляли на нем вмятины. – Сейчас мы посмотрим... просто посмотрим... будет немного неприятно, все-таки глубокое сканирование. Но вы же потерпите? Вы умница... что тут у нас? Проклятьице? Не волнуйтесь, мы его скоренько... мы его вот так...

От прикосновений этих в какой-то момент стало жарко. Невыносимо жарко.

И от этой жары Анна лишилась чувств, чтобы прийти в себя спустя три дня. Она сперва и не поняла, где находится, что это за стерильная комната, пропахшая нашатырем, камфорой и хлором. В ней единственным цветным пятном был букет желтой мимозы, примостившийся на подоконнике. И Анна лежала, смотрела на него, неспособная пошевелиться.

Уже потом, позже, заглянул Никанор.

К счастью муж ее не имел дурной привычки лгать для успокоения.

– Не волнуйся, – он коснулся ее щеки, и Анна сумела удержать слезы. – Мы найдем способ. А этого идиота я засужу. Как можно было...

Он говорил что-то еще, зло, раздраженно, и от этого Анна чувствовала себя еще хуже. Конечно, она виновата. Проклятье... Дремлющее... Родовое вероятно, но здесь целители не уверены, потому как уж больно тонкие материи, тем паче темные, а они к темной силе сродства не имеют, чтобы точно сказать. Но очевидно, что проклятье скрывалось в Анне, дремало многие годы, чтобы очнуться теперь и завладеть ее телом. Оно сковало Анну, позволяя ей лишь дышать да говорить.

В следующие полгода у постели Анны перебивали все мало-мальски значимые целители империи. Одни наполняли ее силой, другие силу вытягивали, в надежде лишиться проклятье подпитки. Третьи пытались говорить с кровью. Иногда становилось легче, но чаще Анна оказывалась в забытии, чтобы, очнувшись, осознать – проклятье еще с ней.

Куда оно денется, сидит, вцепилось, впилося, мучит.

Никанор, наверное, мог бы отказаться от нее еще тогда. Кто бы осудил? Нет, он бы приобрел ей палату. И личного целителя. С полдюжины целителей, окружив той заботой, которая позволила бы откупиться от совести. В конце концов, все ведь твердили, что надежды нет, что...

Целителей сменили священники и старцы. Старухи. Старики, про которых говорили, будто им в наследство осталось что-то этакое.

Одни бормотали молитвы, лили елей, кадили ладаном. Другие шептали, что, дескать, надобно крови и мазали лоб Анны откупной жертвой, и потом, после их ухода, Анна задыхалась от этой кровавой вони, которую ощущала особенно остро. И все, как один, твердили, что надобно к мастерам Смерти на поклон идти. Они, само собой, от исцеления далеки, но, как знать, вдруг да подскажут, что делать.

Если б все было так просто. Если б...

Никанор пытался. А не выходило. Слишком мало их осталось после той позабытой уж ныне войны, а те, кто был, не спешили отзываться на письма. И не только на них.

Пожалуй, тогда Никанор вновь осознал, что далеко не всевластен. И что одних денег недостаточно. И Анна не знала, чего ему стоило притащить к ней в палату того паренька.

– Я не уверен, что смогу извлечь его полностью, – он был молод и, будто стесняясь этой молодости, носил черные одежды и волосы красил тоже в черный цвет. А кожу отбеливал, и Анна ощущала запах того, ею же любимого, крема на цитронах. – Слишком старое, наследное.

– То есть...

– Проклинали ее родителей, но что-то пошло не так, – мастер поморщился. – Возможно, проклятье было неоформленным. Случается, когда человек со спящим даром испытывает сильные эмоции. На них он может благословить. Или проклясть. Однако в силу неопытности, проклятье не будет сформировано. Пожалуй, именно поэтому оно и не прицепилось к ауре взрослого... да... скорее всего, проклинали вашу матушку, когда она была в положении.

Матушку? Проклинали? За что? Что она, потратившая жизнь на посты и молитвы, могла сделать такого?

– Впрочем, это уже не важно, – тонкие пальцы мастера стиснули виски. А светлые глаза его оказались близко... так близко, что Анна испугалась. Никто и никогда прежде не смотрел на нее так пристально. – Подробные проклятья тем и опасны, что нельзя предугадать, во что они переродятся.

– Вы можете его снять? – Никанор держался в тени.

Он редко появлялся, то ли стесняясь Анны, то ли собственного здоровья. А может, как обычно, был занят.

– Я попытаюсь. – Ее отпустили. – Но вы должны понимать, что тьма в ней обжилась давно. Она росла. Она развивалась. Она пустила метастазы... это сродни раку. Думаю, вы понимаете, о чем речь.

Анна понимала. И надежда, слабая, ибо к тому времени она почти перестала надеяться, умерла. Значит...

– Я предлагаю действовать постепенно, – сильные руки перевернули ее на бок, и Анна не успела возмутиться, как пальцы некроманта прошли по позвоночнику. Каждое прикосновение вызывало боль. Острую.

– На первом этапе мы иссечем тело проклятья, – некромант задержался на уровне шеи. – Вот здесь... полагаю, тут основной узел. Я постараюсь удалить его, но будет больно. Если все пройдет удачно, к вам вернется способность двигаться.

Он поглаживал шею ласково, и тьма отзывалась. Теперь Анна ощущала ее в себе, плотный темный ком, который сдавил позвоночник.

– Затем я перерублю каналы, которые питают проклятье силой, и поработаю с метастазами. Нам ведь не нужно, чтобы болело сердце? А там... будет видно.

– Вы сможете убрать все?

– Я постараюсь. – Ее положили и, приподняв, подтянули выше. Сунули под спину подушку. Поправили одеяло.

– Но...

– Это старое проклятье. И тьма будет недовольна.

Он смотрел на нее с сочувствием, молодой мастер Смерти, имени которого Анна не знала.

– То есть вы не уверены.

– Не уверен. Более того, весьма высока вероятность, что что-то пойдет не так. Вы можете не выжить.

– В таком случае...

– Нет, – прежде Анна не решалась возражать супругу. Да и не только ему. – Делайте.

– Анна...

– Я не хочу и дальше так, – она нашла в себе силы посмотреть на мужа. И даже выдержать его взгляд. – Я не хочу ждать, когда я... сколько мне осталось. Оно ведь убьет меня. Рано или поздно. Так лучше рискнуть...

Ей было сложно говорить, и она сорвалась на шепот. И слезы.

Было и вправду больно. Она ощущала и тьму в себе, и пальцы некроманта, вдруг превратившиеся в ножи. Она слышала запах собственной крови, такой острый и... гнилой.

Она бы кричала от боли, если бы могла кричать.

Но ее обездвижили. А потом, в какой-то момент, когда боль стала совсем невыносимой, некромант наклонился к ее лицу и сказал:

– Уже почти... оно злое, да... и вы молодец. Вы очень сильная женщина.

Она? Она всегда была слабой.

В тот раз удалось убрать центральный узел, и Анна действительно смогла шевелить, правда, лишь руками, но и то было почти счастье.

– Оно куда сложнее, чем я предполагал, – теперь мастер Смерти появлялся ежедневно. Он садился на постель и брал Анну за руки. Он гладил ее запястья, успокаивая, а потом делал надрезы, и темная густая кровь стекала в хромированный лоток. Это тоже было больно, но мастер разговаривал.

Он рассказывал о том, что в театре поставили новую оперу, которую уже окрестили скандальной, потому что там есть пара весьма откровенных сцен. И вовсе не понятно, как цензура эту оперу пропустила. Хотя, по его мнению, в женском теле нет ничего похабного, особенно когда это тело упрятано за кисейными занавесами.

О соловьях. И подорожавшем меде. Велосипедах, заполонивших улицы, и новом самоходном экипаже, представленном на Большой технической выставке, который от прежних отличался способностью развивать просто-таки умопомрачительную скорость. Анне доводилось ездить в подобных экипажах? Ах, у нее свой имелся... чудесно.

Иногда мастер говорил и о проклятье.

– Оно растет, пусть и медленно, – признался он однажды. После лечения мастер Смерти и сам походил на смерть. Он становился бледен и без своего крема, а лицо его характерно заострялось, как если бы мастер маялся животом. И дышать он начинал чаще. Одежда его пропитывалась потом, а на висках вздувались сосуды.

– Когда вы окрепнете, мы попробуем убрать еще кусок. Чем меньше тьмы в вас останется, тем медленней она будет восстанавливаться.

– Спасибо.

– Не за что, – он поднялся. – Ваш муж хорошо мне платит.

Анна склонила голову. Теперь она могла это сделать, а еще могла держать книгу. И есть сама. И наверное, одно это уже было чудом.

Следующая операция прошла осенью. Анна помнит, как, лежа на столе, смотрела в окно, на старый клен, пересчитывая листья. Семь красных. Пять желтых. А вот тот, который прилип к стеклу, он и красный, и желтый.

Было больно. Гораздо больнее, чем в первый раз. И боль эта длилась, длилась, а пальцы мастера ощупывали ее позвоночник. Теперь Анна ощущала и его, весь, словно нарисованный в анатомическом атласе. Но она просто лежала и терпела. Считала листья. И думала о том, что когда-нибудь мука закончится. Когда-нибудь все заканчивается...

– Боюсь, – мастер Смерти выглядел хуже обычного, – вы просто не выдержите. Нужен перерыв.

Анна смогла чувствовать ноги. Она бы попыталась встать, но понимала, что время, проведенное в вынужденной неподвижности, не могло не сказаться на ее организме. Ее ноги выглядели худыми и откровенно уродливыми – она, сняв одеяло, пристально разглядывала их, удивляясь, что прежде не обращала на них внимания.

– Разве проклятье не вырастет?

– Вырастет, но не до прежнего размера, – он сидел на кровати, будто в палате не было иных стульев. – Мы проведем еще несколько сеансов, убирая малые остатки из крови. Но вот остальное... перерыв не менее года. Ясно?

– И она выздоровеет? – Никанор смотрел на мастера неодобрительно.

– Нет.

– То есть?

– Даже если убрать проклятье, ее организм не восстановится. То есть в какой-то мере восстановится, однако избавиться от всех последствий воздействия просто-напросто невозможно.

– Родить она не сможет?

– Даже если у вас получится забеременеть, – мастер говорил с Анной, будто не замечая Никанора, – что само по себе будет сложно, так вот, эта беременность вас убьет. А ваш ребенок, вполне вероятно, родится не совсем здоровым.

Она это знала. Но все равно отвернулась к окну: там, в больничном саду, догорала осень. Золотые слезы берез и паутина, запах дымов, доносившихся, когда в палате открывали окно. А на подоконнике, в пузатой вазе, астры...

– Мы найдем выход, – сказал Никанор, когда мастер удалился.

Обычно он уходил раньше, а то и вовсе не появлялся, полагая, верно, что в присутствии его нет нужды, но в этот раз остался.

И взял Анну за руку. Погладил похудевшие пальцы, остановившись на безымянном. Кольцо с Анны сняли, потому что пальцы эти истончились, и золотой ободок совершенно не удерживался на них.

– В конце концов, ты просто признаешь ребенка...

– Какого?

– Какого-нибудь.

Почему-то сейчас ей вдруг стало важно знать, куда подевалось ее кольцо. Никанор, когда заработал первый миллион, преподнес ей чудесное, сплетенное из золотой проволоки, хрупкое и одновременно удивительной красоты кольцо, но она все одно предпочитала старенькое.

– Ты дашь мне развод? – спросила Анна, решившись сразу и вдруг.

– Что?

– Ты ведь меня не любишь.

Она вглядывалась в родное некогда лицо, еще надеясь уловить тень эмоций. Вот недовольно поджатая губа. И морщины на лбу. Морщин много, но не в них дело. Это лицо за годы стало будто тяжелее, а черты – крупнее.

И сейчас Никанор как никогда походил на батюшку.

– Какое это имеет значение...

– Для меня – огромное, – она все же удержала его ускользающую руку. – Мы... мы стали слишком разными. Тебе нужна другая жена. Та, которая будет соответствовать твоему статусу. Я... меня утомляют все эти светские игры. Я благодарна за все... действительно благодарна. Но...

Вновь у нее не получилось отыскать слова.

Никанор помрачнел. И не ушел.

– Я не хочу тебя бросать.

– Ты и не бросишь.

Его ладонь прижалась к ее щеке.

– Аннушка...

– Ты давно не называл меня так.

– Когда мы потерялись?

– Не знаю.

– Может...

– Нет, – Анна потерлась об эту ладонь. – Не надо лгать. Не себе. Ты не сумеешь отказаться от своей работы. Ты ее любишь. И все, что построил... и наверное, это правильно. Я не хочу, чтобы ты был несчастен.

– А ты?

– В том доме я не была несчастной. И не была счастливой, – наверное, именно боль, вдруг очнувшаяся, позволила ей говорить так свободно, без оглядки на приличия и собственные страхи. – Я... я не хочу туда возвращаться.

Начался дождь.

Анна слышала его шепот-шелест, слабые касания к оконному стеклу. Будто осень желала подсмотреть, что же в палате происходит.

– Хорошо.

Почему-то стало обидно. Неужели Анна ждала, что Никанор станет ее отговаривать? А он будто вздохнул с облегчением. И отстранился. И сказал:

– Не переживай. Я прослежу, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Какой из домов тебе оставить? Я предложил бы тот, который...

– Не здесь. Я бы уехала к морю, в какой-нибудь небольшой городок, чтобы без суеты, и... оранжерея. Ее ведь можно будет перевезти?

– Можно, Аннушка, конечно, можно. Я дам поручение, пусть посмотрят, что имеется. И содержание определю. И лечение... пусть доводит до конца, хорошо?

Спустя три дня появился поверенный, молодой солидного вида человек, который на Анну поглядывал искоса, стесняясь то ли ее немощности, то ли собственного любопытства. А может, удивительно было ему, что кто-то добровольно желает уехать из столицы.

Дома она перебирала долго. Слишком они были... слишком. Большие. Роскошные. Величественные, многие – с историей, и все до одного неуловимо похожие друг на друга. Неуютные. И Анна вновь и вновь объясняла, но... ее не слушали. Или слушали, но не слышали?

– У меня в Йельске тетка жила, – мастер Смерти сжегивал посветлевшую кровь, и с каждым разом Анна ощущала себя одновременно и более слабой, и более живой. – Отличный городок... на Свяжжиной косе расположен. Там курорты, но Йельск в стороне будто бы. Помню, милое местечко, такое провинциально-уютное. Море, воздух отличнейший, а главное, покой. Так вот, тетка у меня преставилась еще два года тому, а дом остался. Если хотите, принесу бумаги.

– Принесите.

Пожалуй, он понимал Анну лучше, чем она сама.

Дом был именно таким, как нужно. Два этажа и огромный сад, несколько заброшенный по виду. Белый забор, слегка покосившаяся калитка. Терраса. Красная крыша...

– Забирайте, – сказал мастер Смерти, а Анне подумалось, что знакомы они давно, но имени его она не знает. – Мне он без надобности.

Он сам оформил дарственную.

– Поверьте, за те деньги, которые платит мне ваш супруг, я куплю себе не один дом. Когда станет нужно.

А вот Никанор был недоволен.

– Ты и вправду собираешься поселиться в этой... развалюхе? Анна... – правда, он тут же замолчал. – Ты хорошо подумала? Впрочем ладно, я отпишу тебе в собственность еще пару домов. Если вдруг передумаешь.

Два доходных, расположенных в центре столицы, а потому весьма себе прибыльных дома. Особняк в приморском городке, пользовавшемся немалой популярностью в летнее время. Три миллиона рублей на счету.

Трость. Первый шаг, который дался нелегко. Горький воздух. Ноющие руки, не способные управиться с иглой, но Анна все равно мучила вышивку, потому что так нужно. Пальцы стоит разрабатывать.

Бумаги, которые принесли в палату. Договоры. Отказы от претензий. Соглашение... шепот медсестер, что Анна глупа, она могла бы получить половину состояния.

Ей удалось дойти до подоконника и коснуться астр. Бархатные мягкие лепестки, которые ластились к пальцам. Астры пахли пылью и больницей.

Ремонт в ее доме, который оказался староват, а потому в нем перекрыли крышу, обновили стены и поставили новые трубы, а с ними – и нагреватель.

Подъемник на второй этаж.

– Не спорь, – теперь к Никанору вернулась прежняя властность. – Тебе будет тяжело ходить по лестнице...

Оранжерея, которую разобрали и перевезли. Наверное, проще было бы возвести новую, но Никанор держал слово. С оранжерей переехали и растения, многие, правда, не перенесли болезни Анны, но...

Она сумела выйти из палаты.

Теперь мастер Смерти появлялся раз в неделю. И крови забирал не так много. Он же принес горькие черные капли, которые Анна должна была принимать ежедневно. От капель во рту надолго оставался весьма гадостный привкус, но зато боль отступала.

– Не обманывайтесь, – он всякий раз ощупывал ее позвоночник. – Это временное облегчение... жду вас весной. Попробуем снова...

До весны она жила в столице.

В собственном доме, скрываясь и от газетчиков, и от света, который всколыхнула удивительная новость: Лазовицкий, тот самый Лазовицкий ищет себе новую супругу.

Это тоже было... больно.

Впрочем, душевная боль неплохо уживалась с физической. А после новой операции ходить стало легче...

Глава 3

Стук в дверь прервал полусон, в который Анна погрузилась. И она с неудовольствием отметила, что времени прошло изрядно, но боль не утихла.

До осени бы дотянуть, и тогда...

С каждым разом тьма восстанавливалась все быстрее, а лекарства почти не помогали. И мастер Смерти больше не шутил, а Анна... Анна знала, что осталось не так уж много. Ей уже не страшно.

Да, было время, когда она мучилась, осознавая, что время идет. Секунда. И еще одна.

Ее раздражали часы, что махонькие, инкрустированные сапфирами, – подарок Никанора, что огромные, оставшиеся в доме от прежней хозяйки. И те и другие были равнодушны к горю Анны и отсчитывали минуту за минутой.

Она плакала. Много.

И даже заглянула как-то в храм, но не нашла там ни успокоения, ни надежды. Напротив, разом вдруг всколыхнулись полузабытые детские воспоминания, ее замутило от запаха благовоний, тесноты и темноты. И показалось вдруг, что Люцифер улыбается. Издевательски. Кого ты желаешь обмануть, Анна? Никого.

Она долго стояла перед той иконой, которая была больше похожа на картину, а потому низвергнутый и прощенный сын Господа, одаривший людей что светом, что тьмой, выглядел до неприличия живым. Настоящим. В сомкнутых ладонях его пряталось нечто весьма важное, и Анна боролась с собой и желанием подняться на цыпочки, заглянуть, осознавая, что желание это нелепо, и разглядеть у нее Дары не выйдет.

– Свечку поставить желаете? – поинтересовалась служительница, широко крестясь. – Есть и за здоровье, и за упокой. Есть подешевше, а есть и попримочней...

Эти слова и вид женщины с коробом, где, разделенные тонкой папиросной бумагой, лежали свечи, разрушил волшебство. Но свечу Анна поставила, не столько веря, что молитва поможет – неискренняя не поможет, – сколько потому, что стало ей неудобно.

С Анной такое случалось.

Стук повторился. Странно. Соседи привыкли, что Анна редко отворяет дверь. И прежде дружелюбные – за этим дружелюбием ей вновь же виделось праздное любопытство – сделались равнодушны. Это ее вполне устраивало.

– Есть кто дома? – раздался детский звонкий голос.

И Анна ответила:

– Есть.

И тут же себя укорила: следовало бы промолчать, и тогда мальчишка – откуда здесь мальчишка? – решил бы, что дом пуст. Он бы ушел, и Анне не пришлось бы подниматься.

– Подождите, – она убрала ноги, отметив, что теперь левую покусывали мурашки. – Сейчас...

Она перевернулась на колени.

Поднялась, вцепившись в подлокотник диванчика, и тот привычно качнулся, предупреждая, что когда-нибудь да обломится. Ей бы мастера вызвать...

Вызовет. Когда-нибудь. Позже.

Она встала. И вцепившись в трость – никогда, никогда больше Анна не забудет ее столь беспечно, – подошла к двери. Нога все еще плохо слушалась, но боль все же попритихла. Возможно, ночью получится обойтись без снотворного.

Его Анна и сама не любила. Травяные сны получались муторными, тяжелыми, не приносящими отдыха, зато после пробуждения она вдруг остро осознавала свое одиночество и тот факт, что еще один день прошел, а смысл в ее жизни так и не появился.

Мальчишка за дверь не ушел. Он стоял, пританцовывая от нетерпения. Обыкновенный. Лет девяти с виду, может, чуть старше. И прежде Анна его на этой улице не видела. Не то чтобы она знала всех соседей, но...

Серые брюки. Серая рубашка из грубой ткани. Подобные выдают в приютах и школах-интернатах, куда ее как-то приглашали заглянуть в благодарность за пожертвования. И Анна заглянула, поскольку тогда еще чувствовала себя достаточно сильной для подобных прогулок, но... визит оставил странный осадок. Одинаковые худые лица детей с пустыми глазами.

Подобострастие директрисы, напевавшей о великих нуждах. Холод. И страх, который заставил бежать и больше не отвечать на письма. Анна отправила чек, вновь откупаясь. Не помогло.

– Вот, – мальчишка протянул ей сложенную пополам бумажку. – Мастер Глеб велел передать.

Мастер? Она не сразу поняла, о каком мастере идет речь. А поняв, вдруг смутилась:

– Благодарю.

В бумажке обнаружили двести рублей ассигнациями.

– Это лишнее, – она протянула мальчику сотку, но тот покачал головой и скривился:

– Мастер Глеб не любит, когда мы... не делаем того, что велено.

Мы? То есть мальчишка здесь не один?

– Печенья хочешь? – Анна совершенно не представляла, о чем говорят с детьми, особенно, такими серьезными. А еще от мальчишки несло тьмой. Еще один одаренный? И...

– А можно?

Он переминался с ноги на ногу и тянул голову, пытаясь разглядеть что-то за спиной Анны. Она тоже обернулась. Дом... обычный, привычный. Из-за плюща, затянувшего окна, здесь всегда было сумрачно и даже слегка сыровато. Плющ давно следовало бы постричь, но на лестницу Анне взбираться было тяжело, а найти толкового помощника ей так и не удалось.

– Можно. Проходи, – она посторонилась, но мальчишка не спешил входить. Он вытащил из кармана нитку с белесым кругляшом.

– Мастер... сказал, чтоб вы примерили. Станет легче.

Анна почувствовала, как на щеках вспыхнул румянец. Конечно странно было бы, если бы мастер Смерти не заметил проклятья, но все равно...

– Спасибо.

Нитка была теплой. А кругляш оказался костью. Подумалось даже, что все равно чьей, если поможет. Анна надела нитку, и кругляш коснулся кожи, опалил – и жар сменился мягкой прохладой. А та просочилась в кровь.

Легче. Быть может, станет.

– Так ты будешь печенье? – она сделала шаг назад, и трость звонко цокнула о каменный пол. – Не бойся, в доме никого нет.

– Я не боюсь, – мальчишка насупился. – Я некромант. То есть пока еще нет, но стану обязательно.

– А зовут тебя как?

– Миклош.

Чужое имя, стало быть, нездешний. И мальчишка подтвердил:

– Мои родители... приехали. И померли. А я вот нет.

Он все же решил войти. И замер, закрутил головой, оглядываясь. Что видит? Темные пятна картин на светлых стенах? В полумраке не разобрать сюжета, да и так ли он важен? Узкий ковер у диванчика. Сам диванчик. Огромные вазоны, в которых уместились крохотные деревца.

– Они настоящие?

– Да. Не прикасайся, – Анна успела перехватить его руку. – Извини. Ты... пока плохо контролируешь свою силу и можешь им навредить.

– А вы... тоже?

– Маг. Жизни. Немного.

– А-а... – протянул он и сглотнул. – А почему они такие... мелкие?

– Потому что им не позволили вырасти. Видишь? Горная сосна. Ее привезли мне с острова Рунд, где зима стоит десять месяцев в году. Там скалы и только скалы. И обычные растения на них не уживаются, им не хватает пищи. Поэтому и сосны вырастают такими вот...

Изуродованными.

– А вот это гранат. Его доставили с юга. Новая мода... восточные маги научились останавливать рост организма, но не развитие.

Крохотные листочки дрожали и без ветра, а в них прятались яркие бусины граната.

– Жуть какая, – вполне искренне отозвался мальчишка. Анна же усмехнулась: у детей свой взгляд на мир. Впрочем...

– Печенье на кухне. Ты какое больше любишь? Есть ореховое и шоколадное, и молоко...

Мальчишка посмотрел на Анну искоса и буркнул:

– Я все люблю.

Она открыла коробку с печеньем, которое пекла скорее по привычке и еще потому, что на этой кухне никто не указывал ей, что делать. Женщина, приходившая помогать по хозяйству, лишь головой качала на этакую-то блажь. Но... охота барыне возиться с печеньями?

Пускай. Лишь бы платила. А платила Анна хорошо, в том числе и за молчание.

– Молока?

Мальчишка вздохнул. И пожаловался:

– Не выйдет... сила. Я еще не научился, и оно киснет. Еда – так еще ничего, с едой нормально, а молоко вот киснет. И яйца трогать нельзя.

Анна кивнула. И задумалась.

Молоко у нее тоже имелось, но... а еще были отличные перчатки из лайки, купленные под настроение и алую шляпку. Ее Анна приобрела, поддавшись слабости. Разве, когда тебе за сорок, уместно носить вещи столь вызывающие?

– Вот, – перчатки она протянула мальчишке. – Примерь.

Руки у того уже были не совсем и детскими, потому перчатки пришлось в пору.

– Спасибо.

– Не за что, – Анна коснулась кожи, вплетая простенькое заклятие изоляции. На хозяйственных такое держалось несколько часов, но кожа материал куда более благодатный.

Молоко она налила в кружку. А кружку подвинула мальчишке.

Тот, наклонившись, понюхал. И по всему было видно, что он мучительно борется с искушением, но опасается, что перчатки не помогут. Да и не в одних перчатках дело.

– Погоди.

Как соломинки для коктейля оказались на ее кухне, Анна не помнила. Но вот, поди ж ты, пригодились.

Мальчишка пил. И ел. Жадно, но в то же время аккуратно, время от времени бросая на Анну настороженные взгляды, будто ожидая от нее... чего? Она не знала. Она присела на табурет, отметив, что боль не то чтобы вовсе исчезла, скорее стала далекой, призрачной, как в самые лучшие дни. И наверняка за это стоило бы поблагодарить соседа.

Миклош со вздохом отставил пустой стакан и задумчиво поглядел на коробку с печеньем, явно раздумывая, стоит ли сунуть пару штук в карман или все же это не совсем удобно.

– Возьми, – Анна указала на печенье. – Друзей угостишь.

– Мастер...

– Скажи, что это благодарность.

Она тронула нитку и вдруг испугалась, что та слишком уж тонка. Анна не знала, как надолго хватит амулета, но было бы крайне глупо потерять его.

– Спасибо! – мальчишка не заставил себя уговаривать. – А вы... вы хорошая. Жаль, что помрете скоро.

– Мне тоже.

Анна нашла в себе силы улыбнуться.

По ограде бежали искры, порой они почти исчезали, а порой разрастались, сплетаясь в темные нити пламени. И тогда воздух над оградой начинал дрожать.

– И как? – Земляной вытер руки о грязный фартук.

– Никак, – мрачно ответил Глеб. – Семь ловушек, из них четыре – стихийные... счастье, что никого не задело.

Пламя выравнивалось, рассыпалось искрами, а те входили в контур, подпитывая его силой.

– И я не говорю о проклятьях...

– А что, и проклятья были?

– Пока нет. Но ты же знаешь... – Глеб вздохнул.

Земляной тоже вздохнул и, стащив перчатки, пожаловался:

– И погостов нормальных тоже нет. Все приличные, мрамор там, цветочки. Почему-то мне кажется, нас не поймут, если мы туда сунемся.

Это точно, не поймут. Обыкновенные люди к тем, кто отмечен тьмой, относились с изрядною опаской. И если простых темных еще были готовы терпеть, как Глеб подозревал, исключительно из страха, то этот же страх перед мастерами Смерти заставлял людей действовать.

Как скоро в городке поймут, кто к ним пожаловал? И для чего?

Соседка вот поняла, но не испугалась. Страх Глеб чувствовал, особенно у таких вот обреченных, подошедших к запретной границе вплотную.

Странно.

И проклятье на ней тоже странное, рваное, но в то же время сильное. Взглянуть бы поближе... исключительно из практического интереса.

И мальчишкам бы показать.

Подобные редко встречаются, но что-то подсказывало, что соседка вряд ли согласится выступить в качестве учебного пособия.

– К слову, я и к училищу съездил, – Земляной по натуре своей был не склонен к рефлексиям, напротив, он выглядел безобразно бодрым и даже почти счастливым. Вот присел, землю гладит, наверняка сканируя, но вряд ли найдет что-то помимо птичьих да мышиных костей.

С другой стороны, с мышей начинали все.

– Вполне себе. Во всяком случае, много лучше сарая, который нам в прошлый раз сватали. Здесь хотя бы стены стоят, а крышу перекроем...

Если бы только крышу. Фундамент просел – подмыли грунтовые воды, а стало быть, местные подвалы подтапливает каждую весну как минимум, а то и вовсе малейший дождь порождает лужи. И изоляцией придется заняться вплотную, учебный материал дорог и требует бережного с собой обращения.

Правда, его еще где-то достать нужно. Госпиталь в этой глуши есть, но что-то подсказывало Глебу, что смертность в нем далеко не такова, чтобы трупов хватило еще и на училище. Да и местные рады не будут... определенно не будут рады.

Классы отреставрировать. Озаботиться силовыми щитами. Создать с нуля полигон. Лаборатории... И постараться сделать это до того, как местные начнут писать жалобы. Очередного переезда Глеб просто-напросто не выдержит.

– Придурок! – визгливый мальчишечий голос потревожил тишину, вспугнув пару пташек.

И комнаты, комнаты для воспитанников надо восстановить в первую очередь, чтобы переселить всех этих нестабильных малолеток.

– Отдай!

– Да пошел ты...

Глеб закрыл глаза, мысленно представив, что находится далеко отсюда... очень-очень далеко.

– Не переживай, друг мой, – Земляной похлопал его по плечу. – Мы все когда-то такими были.

– Я не был.

– Ты у нас исключение, но сам понимаешь, сила, помноженная на воспитание, дает свои плоды.

Плоды валялись по земле, отчаянно пытаясь добраться до горла друг друга. И если Миклош был массивнее своего соперника, то Арвис явно злее. Да и кровь иных сказывалась. Юркий, он норовил вырваться из медвежьих объятий Миклоша, но тот держал крепко, несмотря на расцарапанное лицо. Кружилась сила. Сгущалась тьма.

И мальчишки, выстроившись полукругом, одинаково жадно следили за дракой. Они чувствовали эту силу, они подчинялись ей. Они желали крови и получили ее, пусть пока льющуюся из разбитых носов, но все одно живую.

В затуманенных глазах их оживала тьма.

– Хватит, – тихо произнес Глеб, вбирая ее в себя. На языке появилась знакомая горечь, слегка замутило, но Глеб привычно справился с тошнотой.

Стая попятилась.

А вот двое, что возились на земле, кажется, не заметили. Впрочем, до первого пинка. Клубок распался, и Арвис привычно прижался к земле. Он растопырил руки, зашипел...

– Хватит, я сказал, – тонкий хлыст из тьмы коснулся плеч, и утробное рычание переросло в скулеж.

Мальчишку было жаль. Немного.

– Мастер! – Миклош вскочил и, прижав руки к телу, изобразил поклон. – Прошу прощения, мастер, мы...

– Что не поделили? – Земляной глядел на воспитанников почти с умилением.

И Миклош смутился, но ответил:

– Печенье. Я всем нес. А этот... этот урод...

Арвис зарычал.

– Тихо, – щелкнул хлыст. – Кажется, мы уже говорили...

Уши Миклоша запунцовели, а взгляд заметался, но он нашел в себе силы продолжить:

– Он хотел отнять. И спрятать. Он опять прячет под матрасом кости. А они воняют!

И не только кости, Глеб точно знал, что под упомянутым соломенным матрасом найдутся хлебные корки, огрызки яблок, украденные и засохшие, покрывшиеся белесой плесенью куски сыра. Вот сладкое Арвис съедал сразу, отчетливо понимая, что матрас – не та преграда, которая остановит других.

– А еще он меня укусил, – подал голос Калевой, протягивая тонкую руку, на которой алел след от зубов. – До крови! Его на цепь посадить надо...

Арвис попятился.

На цепь его уже сажали. Собственно, с цепи его Глеб и снял. В таком вот тихом и уютном городке, где были белые заборчики, вьющиеся розы, возможно, редких сортов, и вежливые люди, имевшие привычку раскланиваться друг с другом при встрече.

А что у людей имелись свои секреты... К примеру, внебрачные дети от иных.

– Тихо, – Глеб обвел воспитанников взглядом.

Восемь. Всего-то восемь, а уже столько проблем. И чего ждать, когда их станет больше? И быть может, не так уж не правы горожане, опасаясь подобного соседства.

– Арвис? – он смотрел на мальчишку, который не спускал взгляда с Калевого. И скалился. И клыки у него были куда длиннее человеческих. – Зачем ты укусил его?

– Он. Сказать. Неблюдь, – Арвис добавил пару слов покрепче. Что ж, сейчас он хотя бы говорит, пусть и словарный запас большей частью нецензурный, но, как говорил мастер Грай, каково окружение...

– Так он и есть нелюдь! – Калевой насупился и оттопырил губу. – А вдруг он ночью нас загрызет?

Нестройный гул голосов поддержал его.

А ведь было ощущение, что так оно и получится. Не стоило соглашаться... единственный сын графа Калевого, второго советника его императорского величества...

Ранний дар. Лучшие учителя, каких только удавалось найти.

Да, мальчишка неплохо образован для своего возраста, и не только для своего. Он талантлив. И потенциалом обладает огромным, правда, при всем том потенциал уступает самомнению, но кто, как говорится, без недостатков?

Он чувствует себя хозяином, если не над Глебом, то над остальными точно. Вот и пытается отточить мастерство управления людьми, хотя безуспешно. Другие не из той породы, что титулом впечатлятся, скорее наоборот. На прошлой неделе сам Миклошу едва руку не сломал, а до того с Ильей пытался тягаться, но тот, даром что мелкий и худой, едва не придушил графенка.

Отправить бы его к папеньке, которому он наверняка пожалуется – впрочем, граф слыл человеком весьма благоразумным, не склонным вмешиваться без веской на то причины, но...

Отослать не выйдет. Училище нужно.

И людям, которые наверняка не согласятся с этим утверждением, и мастерам Смерти, которые тоже не спешат признавать Глебову правоту. А ведь их на всю империю пара сотен всего, а это мало, ничтожно мало.

Светлых всегда было больше. А еще они куда организованней. У них и школы, и курсы, и еще хрен знает что. А темные так и живут древними представлениями о личном ученичестве. Давно пора что-то менять.

– Калевой, чистить картошку. В другой раз будете думать, что говорить. Арвис... все, что ты там собрал, берешь и относишь в помойное ведро. Я лично проверю. – Глеб поморщился.

Идея была хороша.

Собрать одаренных мальчишек из числа тех, чьи родители не могут позволить себе такую роскошь, как обучение. Создать училище. Чем темные хуже-то?

Деньги есть. Разрешение корона выдала сразу на условиях отработки, но это тоже неплохо. И молодняку практика, и империи польза. А Глеб, что бы там ни говорили, числил себя патриотом.

И место нашлось. Правда, спустя месяц пришлось уехать... а кто виноват? Предупреждали же, что сила нестабильна, мальчишки диковаты и вообще... Да, шутка с призраком, которого привязали к дому местного булочника, была дурновата, но и ему не стоило обзывать учеников отродьями тьмы.

На втором месте они продержались три месяца.

И нельзя сказать, чтобы случилось что-то из ряда вон выходящее. Пара проклятий? Так их Глеб снял. Драки с местными? Все мальчишки дерутся. Силу же не использовали, но... петиция за петицией, подписи уважаемых горожан.

Нынешний городок был в разы меньше предыдущих. Тише. Благостней.

Впрочем, Глеб не обманывался этой видимой благостностью.

Он поднял жестянку, расписанную какими-то цветочками, белыми и голубыми, донельзя легкомысленными, как та женщина со светлыми глазами.

Заглянул под крышку.

– Не умеете делиться, останетесь без ничего.

Печенье одуряюще пахло сдобой.

Глава 4

Чуть позже Глеб попробовал печенье, убедившись, что вкус у него ничуть не хуже аромата.

– Мне оставь, – Земляной потянулся было к банке, но получил по рукам.

– Мыл?

– Обижаешь.

Кожа мастера была тонкой, синюшной и полупрозрачной. Между пальцами она шелушилась – сколь ни натирай маслами, а едкие растворы оставят свой след – и покрывалась мельчайшими трещинами. А от перчаток Земляной отказывался.

Мол, чувствительность падает.

У целителей, значит, практикующих не падает, а у него падает.

– Хорошо. – Земляной упал в кресло и закинул ноги на столик, печенье он ел медленно, откусывая маленькие кусочки, и крошки ловил языком. – Я вот думаю, если к северу проехать, там в теории могильников хватает, с войны если... И массовые захоронения. Здесь пахнет таким вот...

Он отправил печенье в рот и помахал рукой.

– Еще с селянами если договориться, но они пока доставят на подводе, материал протухнет.

– Сами забирать станем.

– Тоже верно...

Все это были вопросы старые, и решались они довольно просто. Главное, чтобы деньги были. А денег у мастеров Смерти хватало. Единственное, чего хватало, это денег.

– Из наших кто ответил?

Земляной дотянулся до жестянки и зачерпнул печенье горстью.

– Что? Твои бандиты о готовке представления не имеют, а я не собираюсь жрать ту бурду, которая у них получится, если еще получится. Ты в агентство обращался?

– Здесь нет агентства по найму персонала.

– Как нет? – вот теперь Земляной удивился. Но печенье жрать не перестал, а банка, между прочим, не так уж и велика. Если разделить на двоих.

Тем более прав он в том, что крупа или подгорит, или недоварится, или будет пересолена.

Мальчишки съедят. Они, кажется, способны были сожрать и камни, но Глеб-то привык к нормальному питанию.

– Вот так. Городок не тот. Здесь на почте оставляют объявление. И там уже ждут.

– Ага...

Земляной задумался. То есть тоже текст объявления составляет? Десять некромантов ищут кухарку с крепкой нервной системой.

– Сбежит, думаешь?

– А то сам не знаешь...

И на прежних местах прислуга как-то не задерживалась, несмотря на то, что платили щедро. Но предрассудки, и страх, и слухи, которыми город полнился во многом благодаря усилиям той же прислуги.

– Плохо... – Земляной сунул руку в коробку. – А эта... соседка... как она?

– В смысле?

– Заведу роман. Буду ходить на ужины. И завтраки. И вообще... что?

– Она проклята.

– Вот сниму проклятье, будет повод познакомиться. Как думаешь, за снятое проклятье мне простят, что я некромант? – Он закрыл глаза.

А Глеб с неудовольствием подумал, что старыи приятель и единомышленник вполне себе симпатичен. И главное, он умеет казаться обыкновенным.

Разве что руки... Если на руки не смотреть, то вполне себе обыкновенный человек, этакий себе чиновник средней руки, уже достигший своего карьерного потолка и вполне довольный жизнью. Земляной был невысок и сухопар, подвижен, порой чрезмерно, будто пытаясь собственной живостью компенсировать то, с чем его сталкивала собственная проклятая кровь. О крови он говорить не любил.

– Не снимешь.

– Почему? – вот теперь в темных глазах блеснуло любопытство.

– Сил не хватает.

– А у тебя?

– У меня и подавно. Там или последняя стадия, или вот-вот. Вообще странно, что она до сих пор дотянула.

– Плохо, – Земляной облизал пальцы. – Печенье у нее вкусное. И цветочки красивые. Что? Я ж любопытный... так от наших новости были?

– Кержаков согласился провести курс по магии крови, возьмет самые основы, нашим хватит. Заодно присмотрится, он уже давно пытается найти кого. Убаров, конечно, носом крутит, но, думаю, явится. Повешу на него магометрию.

Земляной кивнул и поморщился. К магометрии он испытывал давнее и весьма стойкое отвращение.

– Таверский возьмет право. Церковь обещала кого-то прислать, но ближе к осени. Остальные делают вид, что ни при чем.

– Как и предполагалось.

Верно. Вот только менее тошно от этого не становится. Еще ведь надобно обыкновенных учителей найти, те, которые станут грамматикой заниматься, математикой, логикой и прочими науками, список которых у Глеба имелся.

– Что с Арвисом делать собираешься?

– А что с ним делать?

– Ты же понимаешь, если его до сих пор не приняли, то и не примут. Он слишком другой.

– Предлагаешь вернуть на цепь?

– Нет, это как-то чересчур... – Земляной потер кожу между большим и указательным пальцами и поморщился. Трещины зудели и время от времени воспалялись, и с этим воспалением не способны были справиться ни мази, ни целители. Целительская сила и без того темных не жаловала, а уж Алексашку и подавно. – Но... здесь и дальше... проблем станет только больше. Он плохо контролирует свой дар.

– Не только он.

– Но только он не желает учиться контролю.

– Пока.

– Глеб!

– Варианта два. Или он остается при школе, – Глеб подвинул коробку к себе и провел пальцем по шершавому ее боку. Надо же, вручную расписывали. И цветы получились донельзя живыми. – Или ему запечатают дар.

Земляной поморщился и пальцами пошевелил:

– Может, кто-то из наших возьмет...

– Сам знаешь, не возьмут. Всем нужны ученики, но такие, чтобы не доставляли проблем, обладали неплохой базой и горели желанием учиться.

И главное, чтобы могли справиться с собственной тьмой, чтобы учителю не пришлось... прерывать путь. А дикий полукровка, который спит с украденной вилкой под подушкой,

никому не нужен. И плевать, что полгода тому он спал, подушкой накрываясь, и рычал на любого, кто приблизится.

– Хочешь его убить? Пожалуйста. Но я тебе не помощник.

Запечатывания Арвис не перенесет. Его никто не переносит, даже взрослые и стабильные. Сколько отец продержался после того, как дар перегорел? Двадцать лет? Медленно сходил с ума, притом не забывая утянуть в бездну безумия и семью.

Но отец был сильным.

Мальчишка просто умрет. И быть может, где-то это даже милосердно. Да только в гробу Глеб видел такое милосердие.

– Ясно. Делай как знаешь, а кухарку все-таки поищи.

Нет-нет да взгляд Анны останавливался на заборе и на зарослях пузырчатника за этим забором. Тот, словно издеваясь, вытянулся, раскинул ветви и обзавелся тем особым глянцевым отливом листьев, который людям знающим говорит о близости темного источника.

На заборе, пожалуй, стоило пустить плющ, имелась у Анны пара веточек ингерийского вариегатного, отличавшегося немалым пристрастием к темной силе. А розы она перенесет на противоположную сторону.

Или лучше к оранжерее?

Госпожа Верницкая опять станет жаловаться на сенную лихорадку и приторный аромат. С другой стороны, она и без роз жаловалась, так что...

За пузырчатником начиналось поле, поросшее дикими маками. Время прошло, и лепестки облетели, а тугие головки еще не набрались соком. Зато вовсю цвели клевера, раскрашивая травяной ковер алым и белым, кое-где виднелись золотые мазки люцерны.

И вновь кусты.

Вереница тополей, которые следовало бы омолодить. Еще немного, и по воздуху к вящему возмущению госпожи Верницкой полетит пух.

Где-то там, за тополями, скрывался дом. Старый.

Анна ходила к нему раньше, когда узнала, что дом этот и прилегающая к нему территория, следовало сказать немалая, выставлены на продажу. И просили за них не так и много, но она поняла, что не справится.

Оранжерея забирала почти все силы, да и собственный Анны сад требовал внимания.

– Аннушка? – госпожа Верницкая обладала тем удивительным складом характера, который позволял ей не считаться ни с желаниями иных людей, ни с правилами приличия, коль последние вдруг мешали. – Аннушка, ты его видела?

– Кого? – Анна погладила бело-розовые листья плюща, который посадила у ограды.

Да, пожалуй, будет красиво, особенно ближе к осени, когда созреют темно-красные ягоды.

– Его! – Ольга Витольдовна прижала руки к пышной груди. – Все только и говорят, что к нам граф пожаловал...

Граф? В самом деле?

Что-то никаких перстней, помимо кольца мастера, Анна не заметила. Хотя... возможно, Глеб лишь состоял в свите. Подобное тоже случалось, и не так редко.

– Молодой, холостой... представляешь?!

– Нет, – Анна оперлась на трость.

Остаток дня можно было считать испорченным. Визиты госпожа Верницкая, к счастью, наносила редко, исключительно в случаях, когда ей вдруг что-то да становилось надобно от Анны. Впрочем, она давно, да и не она одна, сочла Анну бесполезной.

Разведенка. Явно больная. И не только физически, хотя одно и происходит от другого, но здоровая душой женщина не станет запирается от общества, предпочитая возню с цветами светской жизни.

– Ах, что будет... что будет, дорогая... я слышала, Ольгинские пришли в немалое волнение. У них три девочки, и средненькая вполне себе, но Кузовская тоже готова поспособствовать личному счастью дочери. Конечно, Тасенька не слишком хороша собой, но за ней прииски дают... вроде бы.

Ольга Витольдовна обмахивалась веером и смотрела.

Она всегда смотрела жадно, запоминая увиденное в мельчайших деталях, которые в удивительном ее воображении странным образом преображались, давая начало сплетням.

– Еще ведь Изотовы, а у Кашьяновых и дочь, и племянница. Последняя, правда, приживалка, ни приданого, ни перспектив, но зато красивая. А мужчины, чтоб вы знали, дорогая моя, порой совершенно не думают о будущем. Как у тебя душно.

– Дождь будет.

– Конечно, погода этой весной преневоможная. Но я к тому, что, может, тебе помощница нужна?

– Зачем?

– Ты так устаешь... и пара милых девочек, готовых помочь... – Ольга Витольдовна вцепилась в руку Анны и дернула ее на себя. – Ты же понимаешь, в нашем захолустье найти достойную партию почти невозможно. А тут такая удача. И если ты поспособствуешь личному счастью... – глаза ее хитро блеснули, – тебе будут благодарны... очень благодарны...

– Спасибо, но нет, – Анна высвободила рукав из цепких пальчиков.

– Дорогая, ты подумай... не стоит обижать людей.

– Мне не нужны помощники.

И чужие люди в доме, где она привыкла от этих самых людей прятаться.

Анна с трудом терпела и ту тихую женщину, которая приходила трижды в неделю, чтобы убратся в доме и приготовить еду. С остальным она справлялась сама.

– Сама думаешь? – Ольга Витольдовна окинула Анну придирчивым взглядом. – Ты, конечно, маг... хорошо вам, и выглядишь молодо, хотя бледновато. Но подумай, к чему графу болезная девица, если здоровых вокруг полно? Да и разведенка, а это, почитай, порченная...

Она поднялась, махнула кружевным крылом веера и сказала презрительно:

– И розы твои воняют. Я вообще не понимаю, кто позволил тебе поставить в городе оранжерею. Она мне солнце заслоняет.

Оранжерея, пристроившаяся к дому, была не так уж и велика, а тень от нее и до забора не доползала, но у Ольги Витольдовны имелся собственный, давно сложившийся взгляд на мир.

Но она все же ушла.

Она ступала медленно, опираясь на длинный тонкий зонт, из тех, которые вошли в моду нынешнею весной, хотя, по мнению Анны, были совершенно бессмысленны что в роли трости – чересчур хрупки, что в роли зонта – слишком объемны и неуклюжи.

– И все же подумай хорошенько, – сказала Ольга Витольдовна у ворот. – К чему тебе с людьми ссориться...

Глава 5

Местное отделение почты было... миленьким. Три ступеньки. Желтая дверь и по бокам ее кадки с чем-то пышно цветущим и явно нетерпимым к силе, которую Глебу пришлось закрыть щитами, но цветы все равно опасно потускнели.

Он толкнул дверь. Огляделся.

Одно помещение. Выкрашенные в розовый цвет стены. Картины в тяжелых рамах. Низенькие диванчики, на одном из которых примостилась плешивого вида собачонка. Она приоткрыла глаз, вяло тьякнула, обозначив свое присутствие, и глаз же закрыла, верно, сочтя свой собачий долг исполненным.

Соломенные розы в соломенной же вазе.

Высокая стойка, где за цветами не было видно лиц. И острый запах женских духов. Стена объявлений терялась в полумраке. Выглядела она на редкость непритязательно – едва ошкуренная доска, к которой крупными канцелярскими кнопками крепились листы бумаги.

– Здравствуйте, – пропели за спиной, и Глеб обернулся.

Девушка. Молоденькая. Того прелестного возраста, когда наивность уже слегка утрачивается, сменяясь обыкновенной жизненной прагматичностью, но на внешности сие пока никак не сказывается.

– Вам помочь?

Округлое личико, скорее миленькое, нежели красивое. Ямки на щечках. Темные брови и соломенные кудри, украшенные живыми розочками. Форменное платье с совершенно неформенным кружевным воротником. И книга в руках.

В последнее время девицы повадились носить с собою книги. С чем это было связано, Глеб не знал, но у нынешней книга была особенно увесистой и солидной.

– Я хочу оставить объявление. Можно?

– Конечно.

Она расцвела улыбкой, а вот взгляд остался не то чтобы холоден, скорее уж Глеб понял, что его взвесили на тех самых незримых весах, на которых женщины взвешивают подходящего вида мужчин, чтобы оценить их брачную ценность.

– Вот, – книгу девица отложила на стойку и достала несколько листиков, чернильницу и стальное перо. – Вам нужна прислуга? Если так, то рекомендую заглянуть в «Третьего пескаря»...

– Зачем? – Глеб протянул руку, но лист отдавать не спешил.

– Хозяин всегда готов помочь хорошим людям. У него множество знакомых, которые будут рады...

– Кухарка. Нужна. Одна.

– И кухарка найдется, – заверила его девушка, убирая лист за стойку. – Преотличнейшая! Позвольте, я вас провожу. Вы ведь в городе недавно? Ах, конечно, после столицы наш городок кажется настоящим захолустьем, но мне нравится.

Книгу она не забыла. И почту закрыла. Собачонка осталась внутри, но девушку это, похоже, не смутило.

– А вам можно? – осторожно уточнил Глеб. От девицы можно было бы избавиться, но перспектива в кратчайшие сроки найти хорошую кухарку – горелая утренняя каша комом лежала в желудке – заставляла мириться с временными неудобствами.

Сама исчезнет, разглядев, с кем связалась.

– Ах, здесь совершенно нечем заняться. Сегодня госпожа Вилбрук уже отправляла открытки, а почту отдали разносчикам. Поэтому я буду рада вам помочь. Так вы из столицы?

– Не совсем.

– По городу ходят невообразимые слухи...

В этом Глеб ни на секунду не усомнился. Хотя приехали они ранним утром, когда город большей частью спал, и задерживаться в нем не стали, сразу отогнав грузовички к особняку. Благо при нем имелась старая конюшня, куда уместились и моторы, и нехитрый их груз.

– Но я точно знаю, что с вами в него придет ветер перемен.

Она шла неторопливо. Цокали каблучки по мостовой, ветер шевелил ленточки на соломенной шляпке, а Глеб ощущал себя полным идиотом.

– Так, значит, вам кухарка необходима...

– И кто-нибудь, кто возьмется убирать в доме. Для начала в доме, – уточнил Глеб. – Еще бригада строителей. Проверенных.

Была мысль пригласить из столицы, но пока они доберутся. Да и местные всяко дешевле станут.

– Желательно, чтобы был кто-то с даром.

– Это сложно, – девица сунула книгу под мышку. – У нас здесь очень тихое место.

Это пока...

Мальчишкам запрещено покидать территорию поместья, но если Глеб понимал хоть что-то, то запрет этот продержится от силы пару дней. Любопытство подопечных было куда сильнее здравого смысла. Со здравым смыслом у детей в принципе было... непросто.

– Но я уверена, что дядя вам поможет... а зачем вам строители?

– Строить.

– Что?

– Все.

– Вы такой... милый, – девица неискренне хихикнула и подхватила выскользнувшую книгу. – А вы читали «Одуванчики на ветру»?

– Нет.

– Ах, это такое тонкое произведение... оно заслуженно собрало все награды...

– Далеко еще?

– Что? – она моргнула.

– До таверны далеко?

Глеб крепко подозревал, что повели его кружным путем, а потому испытывал немалое искушение скинуть щиты. И пусть обычные люди не способны были видеть тонкое тело, но рядом с отмеченными темной силой они начинали чувствовать себя крайне неудобно.

– О нет, мы почти пришли... к слову, настоятельно рекомендую. У дядюшки просто-таки отличная кухарка, потому он на ней и женился. Сегодня у них уха из белорыбицы и еще карп, запеченный в сметане с травами. Конечно, блюдо не столичное, но, поверьте, готовят его великолепно. И грушевый пирог...

В животе заурчало.

Грушевый пирог придется в тему. А Земляной погодит со своими кладбищами. Его очередь следить за зоопарком, Глеб же в благодарность, так и быть, захватит с собой и пирог, и этого самого карпа.

Готовили здесь и вправду неплохо.

И даже девица – ее звали Адель – не слишком раздражала. Она устроилась по другую сторону стола, подперев ладонью подбородок, и изо всех сил старалась понравиться. Она щебетала. Трогала пальчиками щечки, будто желая взбить их, словно перину. Но щечки и без того были пухлы.

Она то наклонялась, заговаривая громким шепотом, то вдруг начинала смеяться, то замолкала, притворяясь заинтересованной.

Это утомляло.

Но карп в сметане и вправду удался, а хмурая женщина, появившаяся с кухни, взмахом руки заставила Адель замолкнуть.

– Кухарка, стало быть? – у женщины было круглое лицо, распаренное, покрасневшее. От нее несло кухней, в том ее многообразии запахов, которое одновременно пробуждает и аппетит, и отвращение. – В старый дом?

– Именно.

– И сколько?

– Двое взрослых, восемь детей... не маленьких, – на всякий случай уточнил Глеб, потому что женщина нахмурилась. – Вот таких примерно. Неприхотливые, но прожорливые.

В этом он успел убедиться, обнаружив, что от трех ящиков консервированной фасоли осталось две жалких банки. И главное, никто не признается, что взял.

– Наставники, стало быть, – лицо женщины разгладилось. – Маги?

– Да. А...

– Пакостить станут. Дети всегда пакостят. А уж когда маги...

С этим нельзя было не согласиться. И главное, что пакостей стоило ждать весьма специфического толку.

Девушка, явно прислушивавшаяся к беседе, вдруг зарделась.

– А платить сколько станете?

– Пять рублей в неделю.

Гладкие руки скомкали передник, а женщина поинтересовалась:

– С чего такая щедрость?

Глеб же молча повернул кольцо. Почему-то показалось, что эта женщина поймет.

– Вот как, стало быть... – произнесла она задумчиво, потирая одну красную ладонь о другую. Ее руки, слегка опухшие, с покрасневшей распаренной кожей больше походили на клешни. – Надолго в наши края?

И сама же себе ответила:

– Надолго... мой-то говорил, что старое училище продали. Вам, значит?

– Нам. Не продали. Передали.

– Школу будете делать?

– Будем.

– У темных нету.

– Знаю.

Она не боялась. И это, пожалуй, было хорошо.

– Что ж... тут подумать надобно... хотела к вам Адельку поставить...

Вот уж не было печали. Глеб смутно подозревал, что в его доме милую Адель меньше всего будет интересоваться кухня.

– Но уж больно она вас глазами облизывает. Ишь, бесстыжая...

Бесстыжая сделала вид, что слышать не слышит и вовсе интересуется ее чучело совы, пристроенное на подоконнике.

– А все романчики эти преглупые, о любви... нет, пусть уж мой сам с нею разбирается, я к вам пойду. Только семь платить станете.

– Хорошо.

Цену Глеб мог бы поднять и до десяти, впрочем, обычно кухарки обходились куда дешевле. Правда, и надолго не задерживались.

– На продукты отдельно. Рыбу будем у местных брать, так оно дешевле, чем на рынке. Прочее... поглядим сперва, что вам надобно.

– Просто. Сытно. Много.

– Это-то да... завтра с утра, стало быть... с молочником договорились?

Глеб покачал головой.

– Ага... молока вам надобно, еще сливки взять, масло, творог... сырнички любите?

– Я все люблю.

– Оно и видно, тощий больно... и холостой. Это вы зазря. Холостой мужик для здешних дамочек что майский жук для жереха.

Адель в своем углу вздохнула и наградила Глеба многообещающим взглядом. Он тронул кольцо.

– Не надейтесь даже... Женщину, которая твердо решила выйти замуж, некромантией не остановить.

Мальчишка прятался в ветвях.

Сперва Анна ощутила взгляд, а следом – скрытое неудовольствие молоденького дуба, который хоть и вымахал едва ли не вровень с крышей, но все же не настолько заостренел, чтобы без ущерба для себя держать всяких тут.

– Привет, – сказала Анна, разглядывая гостя.

Не Миклош.

И даже не человек. Не совсем человек. У людей не бывает таких узких, широко расставленных глаз совершенно неестественного ярко-зеленого цвета. Острые скулы. Длинный узкий нос с вывернутыми ноздрями. Тонкая линия губ и слегка выглядывающие из-под верхней клыкки.

Поняв, что замечен, мальчишка зашипел.

А рубашка на нем серая, как и на Миклоше.

– Не бойся.

– Не боюс-сь, – он отцепил руку от ветки, и Анна заметила темные когти. – Есть? Печень.

Последнее слово он произнес с явным трудом, вытягивая каждый звук.

– Печенье?

– Да.

Мальчишка по-прежнему разглядывал ее, а она – его, отметив, что и рубашка измята, а на боку вовсе продрана, а вот штаны он где-то потерял и теперь обнимал ветку дуба тонкими голыми ногами.

– Есть. Спустишься?

– Дай.

– Я принесу, – она оперлась на трость. В последние дни боль, если и напоминала о себе, то редко. – Но тебе там будет неудобно.

Печенье она испекла еще тем вечером, сама не зная для кого, но... пригостило. И пусть банка была другой, расписанной цветами циннии, но Анна улыбнулась.

Почему бы и нет? Этим гостям она была не то чтобы рада. Скорее... от них не стоило ждать удара.

– Вот, – она поставила на столик печенье и кувшинчик с молоком, выложила перчатки, соломинку. Подвинула стакан и отступила. – Спускайся.

Мальчишка зашипел. Радужный народ? Кто из них?

Иль-ши, лисье племя, владеющее Словом осени и способное остановить время? Их шаман приходил к Анне еще тогда, когда Никанор пытался найти выход. Он ступал бесшумно, и босые ноги не оставляли следа на белых коврах. Он принес запах сентября и золотой кленовый лист, который положил ей на макушку.

Он придавил этот лист ладонью и долго стоял, прислушиваясь к чему-то.

– Нет, – сказал он. – Кровь не пустит.

– Вы обещали.

– Взглянуть, – голос у иль-ши был тягучий. В нем Анне слышалось дыхание ветра, того осеннего, коварно теплого, который заставляет поверить, что лето еще продлится. – Я смотрел. Мне жаль. Хорошая женщина. Плохая кровь.

Его пальцы скользнули по шее.

– Дар, – сказал шаман, наклоняясь к этой шее, и холодные губы его обожгли кожу. – Ты не умрешь, не вижу смерти. Не сейчас. Ты сможешь слышать...

Этот чуждый поцелуй, заставивший сестер милосердия – а тогда Анну не оставляли наедине с собой ни на минуту – отвернуться, долго еще ощущался на коже. Он был подобен клейму.

Но иль-ши, сколь она знала – а позже, получив возможность двигаться, она позволила своему любопытству ожить и отыскала все, что писали о радужном народе, – не бросают свою кровь. Даже ту, которая сильно разбавлена чужой.

Полукровки редкость. Иль-ши не считают людей красивыми. Да и люди...

Мальчишка ел, склонившись над коробкой, выставив острые локти, то и дело озираясь, будто зная, что стоит расслабиться хоть на мгновение, и еду отберут.

...Анна и вправду научилась слышать ветер.

Пожалуй, именно этот дар и сделал ее невыносимую жизнь чуточку более... выносимой? Ветер прилетал осенью, рассказывая о городе и людях. О старых вязах на окраине, которые не спешили расставаться с листвой. И о пруде, чьи воды невероятно тяжелы и неподъемны.

Ветер приносил думы и запахи осеннего сада, он перебирал ароматы людей, выплетая удивительные истории. И исчезал, отступая перед зимой.

У иль-ши волосы рыжие, всех оттенков осенней листвы. А мальчишка седой.

Кахри? Дети зимы? Они обретаются где-то на далеком севере и держатся обособленно. О них известно лишь, что людям в своих владениях они не рады. И тот единственный раз, когда его императорское величество, ныне покойный, попытался установить на территории кахри имперские порядки, закончился весьма печально.

А есть еще говорящие-с-водой и зеленоволосые вельди с заповедным их лесом, куда заказан путь смертным. Впрочем, и они смертны, что бы там ни говорили.

– Сука, – сказал мальчишка, облизывая пальцы, когти его прорвали перчатки. – Тварь.

– Кто?

– Вкусно.

– Я рада, что тебе понравилось. Посидишь?

Ветер не всегда откликался на зов Анны, тем более в последние годы она почти и не говорила с ним. Но сейчас, стоило потянуться, и он обнял, коснулся волос, лизнул щеку предвестником холода.

Ветер говорит не только с Анной. И быть может, он найдет того, чье имя ей было неизвестно, но она прекрасно запомнила его запах.

Мальчишка застыл. И острые уши его дрогнули.

– Твою мать, – он прижался к столу, но ветер уже коснулся макушки, заставив его замереть. Кажется, он и дышать-то боялся.

– Он не причинит вреда.

Просто взглянет. Украдет толику запаха, того исходного, который свойствен любому живому существу, и отнесет... и, быть может, в этом совершенно нет смысла, но почему бы и нет?

Ветер зазвенел полевыми колокольчиками. Он шептал о дальнем луге и пчелах, которые его заполонили. О реке. И лесе. О солнце, что с каждым днем разгоралось все ярче и ярче.

– Хор-ро-шо, – мальчишка прикрыл глаза и качнулся, и ветер ласковым зверем потерся о шею его. – Нра-а-авится...

А когда ветер исчез, мальчишка взглянул на Анну.

– Анна, – она коснулась груди.

– Сдохнешь.

– Да. К сожалению. Как тебя зовут?

Он молчал. Смотрел и молчал. И держался обеими руками за коробку с печеньем.

– Если хочешь, заведи себе. – Он задумался, но покачал головой. Вздохнул.

– Заберут.

– Кто?

– Суки.

Что ж, следовало признать, что словарный запас мальчика оставлял желать лучшего.

– Тогда... оставь здесь. Здесь никто не заберет. А забор тебе, как понимаю, не преграда.

Идем, – Анна поднялась и не сдержала стоны. Ветер был всем хорош, но вот проклятье его недолюбливало. А может, не в нем дело, а в том, что сила амулета почти иссякла.

Ничего. До оранжереи она дойдет.

И мальчишка беззвучно выскользнул из-за стола. Он двигался медленно, сгорбившись, почти касаясь руками земли. И уши подрагивали, выдавая напряжение.

– Здесь немного... жарко.

И влажно. Влага собиралась каплями на огромных листьях монстеры, она стекала по воздушным корням, уходя в подстилку из разросшегося мха. Из него поднимались тонкие плети ванили.

Мальчишка замер.

– Не бойся, это просто растения. Смотри, – Анна присела у кривоватой коряги. – Видишь? Это дремода. Ее привезли мне с юга, она совсем крошечная. И цветки у нее похожи на насекомых. А вот здесь драконья орхидея. Не знаю, почему ее так называли, но... видишь? Она почти черная.

Он сделал первый шаг.

– Только, пожалуйста, сдерживай силу. Здесь не все любят темную.

Впрочем, к хрупким анемонам, которым достался дальний угол, Анна его не поведет. Ее цель – кружевной столик, скрытый под пологом той же ванили. Разрослась она просто невероятно, и где-то в глубине уже виднелись шары бутонов.

В нынешнем году цветение обещало быть особенно пышным.

– Вот, – Анна поставила банку с печеньем на столик. – Оно будет здесь. Приходи, когда захочешь. Дверь в оранжерею я не закрываю, но... дашь мне руку?

Он колебался недолго. Протянул.

И Анна коснулась прохладной кожи, закрыла глаза, призывая сеть сторожевых заклятий. Они откликнулись не сразу, впрочем, эта конструкция изначально отличалась некоторой медлительностью.

Никанор хотел и на дом установить подобную, но Анна отказалась. К чему ей?

– Теперь тебя запомнят, – магия скользнула по мальчишке, снимая отпечаток тонкого тела, и отступила, успокоилась. – Тебя пустят. Но пока лишь тебя.

Он кивнул. И, выдернув руку, отступил.

– Это ананас, – Анна указала на невзрачного вида куст. – Мне интересно было, получится его укоренить или нет. Как видишь, получилось, но что с ним делать дальше, я не знаю. А вот это видишь? Сидит в камнях? Это опунция. Трогать не стоит, она лишь выглядит милой, но на самом деле эти бархатистые пятна – колючки. Стоит прикоснуться, и они вопьются в кожу... Нет!

Ей удалось перехватить его руку.

– Дрянь.

– Не дрянь. Она просто защищается. И тебе ничего не грозит, если ты не будешь ее трогать.

Кажется, мальчишку она не убедила.

– Не обижай их. Здесь много разных растений. Хочешь, я покажу тебе ледяную лилию? Она растет на краю мира. Говоря по правде, ко мне она попала случайно.

Мысль вдруг показалось удачной. Если он и вправду из кахри... то это ничего не значит. Мальчик долго жил среди людей, правда, похоже, что жизнь эта была не слишком приятной.

– Здесь несколько секторов. Ближе к двери – тропический. Я держу здесь растения, которым нужны тепло, солнце и повышенная влажность. Он занимает больше половины оранжереи. Внутри сектор разбит на несколько зон. Далеко не всем нужны одинаковые условия. К примеру, та же опунция требует в разы меньше влаги, чем ваниль...

Вдоль дорожки разросся белотравник. Тонкие полупрозрачные стебельки его казались стеклянными. И мальчишка присел, разглядывая их.

– Я продаю его целителям. Он входит в состав многих зелий. Несмотря, что невзрачный, но он способен остановить кровь, унять жар, заживить рану. С ним делают мази, спасающие от многих кожных болезней...

– А ты?

– К сожалению, мне травы не помогут, – Анна погладила живой побег визейской лианы, который доверчиво лег на плечо. – Но это не значит, что они не помогут другим.

– Насрать.

– Тебе говорили, что ругаться плохо?

– Глеб.

Стало быть, говорили.

– Он твой наставник?

– Не тварь.

Что ж, это могло, пожалуй, считаться комплиментом.

– А твои родители?

– Сдохли. Давно. Не знать, – мальчишка поморщился и, ткнув себя пальцем в грудь, сказал: – Арвис. Не трогать твое.

– Спасибо. Но идем... Растения, привычные к условиям средней полосы, я выращиваю вне оранжереи. Иногда проще помочь силой, чем держать под колпаком. Осторожно...

Кровавник черный сплелся ковром, перекрыв дорожку. На темных стебельках уже набухли ярко-алые капли ягод.

– Он ядовит, – предупредила Анна. – Но опять же нужен. Он обладает удивительным свойством останавливать гниение плоти, а потому его берут как целители, так и мастера големов.

Арвис опустил на корточки. Растопыренные пальцы уперлись во влажноватый мох, спина изогнулась, и он вытянул шею, сделал вдох и качнул головой, соглашаясь с какими-то своими мыслями.

– Вам тоже пригодится. Ты ведь будешь учиться?

– Глеб... хотеть.

– А ты?

Он раскрыл ладонь, и веточки шелохнулись, ощущая слабое эхо силы.

– Сними перчатку. Не бойся, он любит тьму. И если поделишься, будет благодарен.

Арвис стянул перчатку зубами.

И кровавник с готовностью потянулся к коже, он приник к ней, дрожа крохотными листочками, а бусины ягод стали ярче, больше, налились опасной силой.

– Хватит. А то осыплются и утратят часть свойств. Спасибо...

Те два накопителя, которые еще остались, пригодятся. Что ж, стоило признать, что в новом соседстве пока были лишь плюсы.

Анна толкнула дверь и вдохнула разреженный ледяной воздух.

И мальчишка вскочил.

– Здесь живут те, кто привык к зиме. Знаешь, мне никогда не случалось бывать на Севере. Когда-то я хотела, но не вышло. Сначала муж, потом... проклятье. Вот и пришлось создать себе. Проходи. Щит, конечно, разделяет секции, но все же не стоит держать его открытым.

Она первой шагнула на хрупкий хрустальный снег. Здесь всегда было тихо. Будто звуки и те замерзали.

– Возьми, – Анна сняла полушубок с вешалки, но мальчишка покачал головой. Присев на колени, он трогал снег пальцами, будто не способный поверить, что тот существует. – Все же возьми. Если ты простынешь, ваш мастер будет недоволен.

– Хорошо, – Арвис зачерпнул полные горсти, прижал к щекам и закрыл глаза. – Холод. Хорошо. Свет. Лето. Дрянь.

– Плохо, – поправила Анна. – Следует говорить: плохо... Вот там, смотри, розовый мох. Точнее, он не совсем мох, это сложный организм, несколько видов мха, в клетках которого живут крохотные водоросли. Им вне мха не хватает влаги, а ему самому – питания, вот они и объединились.

Мох был не розовым. То есть и розовым тоже. А еще алым, темно-красным, пурпурным и почти черным. Он отчаянно впитывал разреженный солнечный свет, спеша урвать свое. И разрастался быстро. Для мха.

Можно будет снять несколько веточек к превеликой радости мастера Ильева, только сперва отписаться, пусть пришлет кого. Почте Анна не слишком доверяла.

– А вот там северная береза...

Крохотное деревце расстелило полог ветвей по земле. Частью присыпанные снегом, они казались темными змеями под белым покрывалом.

– И ветреник... осторожно, колетя.

Но Арвис уже подхватил белый шар, будто созданный из колючих игл льда, на ладонь. Поднес к губам. Дохнул и рассмеялся.

Он отступил с дорожки, чтобы коснуться мха, и тот отозвался на силу, выкинув сразу с полдюжины мясистых молодых отростков. Совсем крошечных, прозрачных, к вечеру они обретут окрас и плотность.

– Спасибо, – Анна все же накинула шубку. – У меня в целом получается ладить, но иногда нужна темная сила.

Арвис кивнул. Он шел, сам прокладывая тропу между холмами спящей вертеннии, которую еще предстояло разбудить, постепенно уменьшая плотность фильтра солнечного света и длину светового дня. Остановился, чтобы разглядеть ледяной дуб, не являвшийся ни дубом, ни ледяным. Анна сомневалась, можно ли вовсе его к растениям отнести. Мальчишка с легкостью скользнул под веткой-щупальцем, чтобы погладить темный ствол.

– Осторожно, ядовит! – предупредила Анна.

На стволе появились полупрозрачные капли сока.

Почти все здешние растения питались не только солнечным светом, может, оттого, что солнца на Севере, если верить книгам, было мало.

Ледяные лилии только-только распустились.

– Вообще я просила привезти мох, – Анна говорила, не сомневаясь, что ее слушают. – Мне и привезли. Целый мешок. Правда, живых осталось всего несколько побегов, поскольку везли его, скажем так, не слишком бережно.

В тот раз Анна впервые позволила себе повысить голос.

Мешков было семь. Их везли в трюме, и часть пропахла навозом, пропиталась им, и содержимое превратилось в гниющую жижу. Еще несколько просто-напросто высохли, поскольку их не удосужились поливать.

– Но в нем обнаружили несколько камней. Сперва я приняла луковицы за камни.

Только искра жизни, теплившаяся в них, заставила взглянуть на эти синеватые камни куда более пристально.

– Потом... вот что вышло.

Они отняли немало сил, поскольку сами были едва-едва живы. И первые чахлые ростки заставили Анну усомниться, что из них выйдет хоть что-то.

Вышло. Всего-то пять лет до первого цветения, а потом еще несколько, чтобы цветение стало обычным. Тонкие стебли, прозрачные настолько, что казалось, будто бы их вовсе нет. И огромные белоснежные цветы парят в воздухе. Их листья, покрытые мелкими волосками, казались припорошенными снегом, и мальчишка осторожно трогал их, заставляя цветы покачиваться.

Едва слышный звон разносился по оранжерее. И над пыльниками поднималось сизоватое облако пыльцы. Впрочем, у Анны до сих пор не вышло добиться, чтобы завязались семена.

– Красивые, правда?

Сейчас у нее было с две дюжины луковиц, и, если все пойдет нормально, количество их удвоится. Тогда часть и вправду можно будет передать в Императорские сады, о чем ее давно просят, и весьма настоятельно.

Арвис кивнул. И, наклонившись над самым цветком – пыльца тотчас прилипла к коже, – сделал вдох. А потом чихнул, оглушительно, звонко, и, сам испугавшись, отпрянул, едва не рухнув на спину.

У Анны с трудом получилось не рассмеяться. И, закусив губу, она отвернулась, сделала вид, будто разглядывает плотную кору ядовитого снежного плюща. А вот его стоит подрезать. Если воспользоваться накопителями и создать плотное поле, возможно, что-то и укоренится.

Мастер Ульц давно интересовался, можно ли приобрести... Многие интересовались. И быть может, не так уж не прав был Никанор, установив на оранжерею защиту.

А волосы мальчишки посветлели. И что-то подсказывало, что к лилиям он вернется.

Глава 6

Завтрак принесла Адель. И менее всего она походила на кухарку.

Клетчатое платье с пышной юбкой, из-под которой выглядывал ворох других, отороченных кружевом. Алая шляпка. Алые перчатки. И корзинка в руках.

– Добрый день, – она потупилась, изображая скромность. – Тетушка просила передать, что немного задержится, но она передала вам завтрак.

– Мне?

Корзинка была слишком мала, чтобы там хватило еды на всех.

– Вам... то есть тетушка... она будет... простите, – под взглядом Глеба девушка смутилась. – Простите, пожалуйста, я не умею врать.

– Научитесь, – успокоил ее Глеб.

– Мне просто захотелось вас увидеть, а тетушка сказала, что у вас здесь совсем пусто... и я могла бы помочь...

В ворота врзалось проклятье, которое, впрочем, тотчас рассыпалось и было поглощено защитой. А ведь уровень второй-третий. И кто там такой талантливый? Впрочем, гадать нечего, пока структурировать магию способен лишь один титулованный засранец, уверенный в собственном превосходстве над другими. В том числе и над Глебом.

– Ой, – сказала Адель.

А на дороге показался старенький экипаж.

– Вам лучше уйти, – сейчас Глебу хотелось не столько завтракать, сколько отыскать поганца и выдрать его, наконец. И плевать, что розги ныне не считаются допустимым инструментом воздействия на юные умы. У него в школе свои правила.

– Вы... вы сердитесь? – Адель часто заморгала, и выражение лица у нее сделалось таким обиженным-преобиженным.

– Тетя ваша где?

– Так будет только позже, у нее на кухне беда приключилась, – Адель закусил губу. Надо полагать, беда приключилась не без ее помощи. – Но я могу готовить не хуже.

– Хорошо, – Глеб отступил. – Тогда идите и готовьте. Кухня там.

Кажется, теперь она и вправду обиделась.

Все-таки с женщинами было сложно. Даже сложнее, чем с детьми. Впрочем, Глеб искренне сомневался, можно ли считать эти мелкие отродья тьмы детьми.

– Надеюсь, вы поторопитесь, – не удержался он, поскольку на кухню Адель не торопилась, а стояла, разглядывала его сквозь ресницы, явно раздумывая, стоит ли связываться. – Мои подопечные хотят есть.

Определенно обиделась. И корзинку подхватила.

Ну да плевать, лишь бы и вправду управилась быстро, а то скоро и Земляной очнется, а он, лишенный завтрака, становился совершенно невыносим.

Богдан Калевой обнаружился у старого сарая. Некогда надежный, тот давно уже покоился, южная стена просела, утянув с собой кусок крыши, дранка на которой расползлась, обнажив потемневшие ребра балясин. В сарае осталась солома, а в ней – мыши, что было в какой-то мере даже на руку, поскольку големы Земляного питались не одной лишь сырой силой.

Богдан, пыхтя от натуги, пытался наполнить силой малую печать.

А с крыши за ним внимательно, как почудилось, с издевательской улыбочкой наблюдал Арвис. Он забрался высоко, умудрившись удержаться на хлипких досочках, и теперь вытянулся, что твой кошак.

Штаны опять потерял.

Почему-то именно эта деталь одежды раздражала мальчишку. Он готов был носить рубашки, а пиджак с эмблемой несуществующей пока школы и вовсе вызывал в нем молчаливый восторг. Он терпел гольфы и панталоны, а вот брюки сдирал.

В соломе закопал их, что ли?

Глеб остановился в десятке шагов. И тень потянул, хотя и без того Калевой был слишком увлечен процессом, чтобы обращать внимание на происходящее вокруг. Следовало признать, что пентаграмма была вычерчена не идеально, но вполне допустимо. А с учетом, что создал ее паренек, который только начал постигать основы, стоило бы его похвалить. Потом, когда задница заживет.

– Скоро ты получишь, тварь, – Калевой потер руки и отвлекся. Сила уже наполнила внешний контур, и легкая дестабилизация не разрушила формирующееся проклятье.

– Тварь, – согласился Арвис.

Он как-то изменился, но в чем именно, Глеб не знал. Волосы, что ли, побелели?

– Именно, тварь. И место твое среди других тварей. Я тебя предупреждал...

Сила завихрилась, стало быть, не так уж хороша была пентаграмма, и мальчишка замолчал. Лицо его побледнело, а на лбу выступила испарина.

Держит. А ведь больно.

Ему приходится справляться и с собственной тьмой, которую пока не сдерживают печати, и с той, что пробудил его призыв. Глеб ощутил колебания, которые грозили перерасти в стихийный выплеск. Что ж, стоило вмешаться. Он дотянулся до силы, вобрал ее и ту, которая еще оставалась в хрупком сосуде тела. И лишь затем отпустил мальчишку, позволив рухнуть на колени.

– Тва-а-арь, – захихикал Арвис, поднимаясь выше.

Подумалось, что если сверзнется и шею сломает, то проблема решится сама собой.

– Я... я... – Калевой всхлипнул.

– Ты бестолочь, – Глеб взял Богдана за шиворот и рывком поднял на ноги. Благо Калевой был аристократично слаб и хрупок.

Молока и вправду следовало заказать. Пусть пьют.

Земляной что-то там такое говорил про пользу и кости, которые именно у некромантов без должного ухода формируются излишне тонкими.

И рыбий жир еще нужен. Банка.

Глеб его самолично раздавать станет. А пользоваться этих бестолочей разрешит исключительно касторкой. Вон папенька, не к ночи будь помянут, и в почти нормальном состоянии только ее признавал. Глеб не знал, есть ли в касторке польза с медицинской точки зрения, но на педагогическом поприще открывались определенные перспективы.

– Он первый начал! – Калевой слабо дергался, но куртка была сшита из хорошей прочной ткани, а держал Глеб крепко. – Он... он... печенье ел!

Арвис показал язык.

– И приказ нарушил. Вы запретили ходить туда! – Богдан указал в сторону соседского дома, крыша которого поблескивала на солнце. – А он пошел! И печенье ел!

– Ел, – подтвердил Арвис.

Глеб вздохнул.

И вот что с ними делать? Перед соседкой извиниться надо, это само собой, а заодно узнать, какие еще редкие растения погибли от стихийного выброса силы.

– Сука хорошая, – сказал Арвис с немалым удовлетворением. – Дать. Есть.

Глеб разжал руку. То есть с соседкой он успел познакомиться, а стало быть, обозвал ее... в своем стиле. И теперь предстояло не просто извиниться, но как-то успокоить оскорбленную до глубины души женщину, объяснив ей, что Арвис вовсе не имел в виду собачью мать как таковую, но его словарный запас оставляет желать лучшего.

– С тобой поговорим позже.

Арвис вздохнул. Глеба, как ни странно, он не боялся. Предыдущего хозяина боялся. А вот Глеба – ничуть. Слушать слушал. Иногда внимал. Укусить уже не пытался, а главное, в драках перестал пускать в ход когти. Но... может, стоило бы цепь с собой прихватить? Исключительно утрашения ради.

– А ты... господин виконт, объясните, чем вы думали, нарушая прямой запрет на использование структурированной силы в заклятиях выше второго уровня? – у Глеба с трудом, но получилось сохранить спокойствие.

Калевой потупился, сделавшись неуловимо похожим на Адель. Глеб очень надеялся, что с завтраком она все же справится.

– Идиот, – отозвался с крыши Арвис.

– Вы понимаете, что речь идет не только о вашем явно преступном намерении, направленном против своего одноклассника...

– Он не мой...

– Молчать.

Богдан упрямо поджал губы.

– К счастью, не все в мире подчинено вашим желаниям. И хочется вам или нет, но Арвис точно так же одарен, как и вы. И лишь этот факт, а не ваше происхождение, положение или иные глупости, которыми забита еще ваша голова, имеют значение.

Не убедил.

– Однако вернемся к вашему проступку. Вы пытались проклясть человека.

– Он тварь!

– К вашему сведению, так называемые твари, согласно существующему кодексу, полностью уравниены в правах с людьми. Следовательно, кем бы ни был Арвис, но вы преступили закон.

Ответом было обиженное сопение. Про закон Калевой думать не привык.

– Ко всему сделали это крайне неумело. Вы спешили. Взгляните. Круг весьма далек от того, чтобы иметь право назваться кругом. Руны... вы пытаетесь писать их с наклоном. Ваш почерк ставили хорошие учителя, но к рукописи правила обычного письма неприменимы. Далее. Установленные вами линии внутреннего круга не слишком соотносятся с осью проклятия, что и вызвало дестабилизацию.

Теперь Калевой слушал. И слушал внимательно.

Чего у него было не отнять, так это жажды знаний. Арвис, к слову, тоже чуть спустился и вытянул шею. Уши его развернулись. Стало быть, и ему любопытно. Иногда Глебу казалось, что понимает найденыш куда больше, нежели пытается показать.

– Впрочем, эту ошибку легко было бы исправить, если бы вы не спешили так в своей ненависти. Вам следовало перекрыть силовые потоки. Отметить точки первичного угасания. Вычленив нестабильные секторы и на основе их анализа выявить ошибку. Исправить ее. Попробовать вновь. А ваша попытка удержать рассыпающееся проклятье, вливая в него дополнительную энергию, приведет лишь к тому, что вы потеряете контроль над собственной силой. Это чревато стихийным выбросом, который повредит всем, кто находится рядом с вами, а затем откатом ударит по вам же. Итогом может быть как временная потеря трудоспособности, так и полное выгорание. Я уже не говорю о таких мелочах, как помутнение разума, разрывы кровеносных сосудов и прочие физические... проблемы.

Калевой окончательно притих.

– Именно поэтому работа со сложными проклятиями проходит под наблюдением наставника. И на специально оборудованном для того полигоне.

Который придется оборудовать куда раньше, чем Глеб предполагал. Мальчишка слушал. Но надолго ли его хватит?

Силен. Честолюбив. И наивно полагает, будто пары десятков книг достаточно, чтобы стать мастером.

– Что ж, я вижу, вы осознали глубину вашей ошибки, – Глеб разжал руку.

И Богдан буркнул:

– Осознал.

– И готовы извиниться перед товарищем?

Взгляд, которым наградили товарища, подтверждал: полигон нужен. Очень нужен. Иначе пострадают не только розы.

– Я... мне очень жаль, – пробормотал Богдан, глядя куда-то в сторону.

– На печеньку, – Арвис свесился с крыши и вытянул руку с зажатой в ней печенькой. Та была слегка обгрызена, несколько покрошена, но все равно жест этот до глубины души удивил Глеба.

А вот Калевой не понял:

– Сам жри...

Арвис кивнул и сунул печеньку за щеку.

Завтрак почти получился. Во всяком случае, каша не пригорела, хлеб был свеж, а чай походил на чай, а не на темную бурду.

Правда, Адель выглядела недовольной. Но... Глебу было плевать на чужое недовольство.

Первые девушки появились на Березовой улочке ближе к вечеру. Они прогуливались парами, хотя в городе имелись другие улочки, куда более подходящие для вечернего променада. Но нет же...

Платьица в клеточку. Платьица в горох. Пышные юбки, подчеркивающие тонкую талию. Широкие, по моде, пояса, завязанные непременно хитрым бантом. Чулочки. Туфельки.

И шляпки с неременной вуалеткой. А под ними – обязательные локоны. Яркие помады. Духи, запах которых ощущался, казалось, даже с той стороны улицы. И главное, голоса. Звонкие. Веселые, раздражающие. И раздражение это внезапное было тем более удивительно, что девушки, если разобраться, не совершали ничего незаконного или постыдного. Они просто... были.

Там. На улице.

Они останавливались у кружевной ограды господина Кляйстена, известного в городе часовщика. Любовались скворечниками пожилой четы Духновых. Беседовали... и жили.

Жили! У них у всех было будущее, Анна же... она вдруг явственно ощутила свою чуждость этому миру, будто проклятье, очнувшись, оплело ее.

К чему сопротивляться? К чему цепляться за призрачную надежду, которая и существует-то исключительно в воображении Анны? К чему вовсе ей жизнь, если Анна этой жизни сторонится, привычно затворяясь воротами сада.

– Ах, ты посмотри, какие розы! – воскликнул кто-то. И радостный голос этот резанул по нервам, заставив закрыть уши. – Нет, просто прелесть! Я таких даже у маменьки не видела.

– Неудивительно. Твоя маменька вряд ли потратит на розы сто рублей.

– Сколько?

– Сто. Я в каталоге видела. Папеньку садовник очень уговаривал, мол, чудеснейший сорт...

Сорт получился и вправду весьма многообещающим. Анна скрестила большую «амаранту» с клеевской старой «королевой», а получившийся гибрид закрепила кроссом на дикую белую, от которой он взял неприхотливость и устойчивость ко многим природным болезням.

– Да быть того не может...

На позапрошлогодней выставке цветущий на штамбе куст получил заслуженную награду, а с ней и право на собственное имя – «прелестница».

Анну уговаривали взять иное, куда более впечатляющее, чтобы всенепременно с короной, ибо корона однозначно делает продажи, но на продажи ей было плевать.

И пусть спрос на «прелестницу» оказался куда больше, нежели Анна предполагала (подкупали людей огромные цветы с едва заметным голубым отливом и ненавязчивым ароматом), но заниматься лишь ею было скучно.

Анна передала поверенному с десяток кустов – у него найдется кого занять черенкованием – и на том остановилась. Сейчас ей хотелось вывести сорт темный, желательно вовсе черный, но пока получались лишь разные оттенки вишневого. Некоторые кроссы были весьма хороши, но не настолько, чтобы выставляться.

Правда, пару она все ж передала. Пусть будут.

– Говоря по правде, я удивлена, что в этой глуши... стань так.

– Зачем?

– Папенька, конечно, не разрешил тратиться, но... если взять черенок...

– Он у вас не приживется, – Анна терпеть не могла, когда кто-то пытался навредить ее растениям. – Если, конечно, ваш папенька не маг жизни с моей специализацией. Но будь оно так, я бы знала.

Девушки смутились. Слегка.

– Извините, – проговорила высокая брюнетка. В гладких волосах, уложенных по моде волной, поблескивали алые прядки, в тон платью. – Мы не предполагали, что здесь кто-то есть...

В руках она держала сумочку. И книгу. И Анну разглядывала... с интересом.

– А вы тут служите?

– Я тут живу, – Анне подумалось, что она, должно быть, и вправду выглядит несколько неправильно. Вместо платья – брюки, и не женские клеш, которые общество скрепя сердце все ж согласилось принять, но обыкновенные, узкие, украшенные разве что шестью перламутровыми пуговицами. К ним – светлая рубашка с пышными рукавами, которые Анна по привычке закатала.

Узкий жилет. И поверх него старый фартук. Перчатки, пропитанные каучуком, – а в других с плетехвостом не поработаешь, мигом шкура слезет – и чересчур уж короткие волосы.

Что поделаться, сыплются.

Анна знала, что стрижка ей не идет, пусть делал ее отличный мастер, но, несмотря на все старания, гляделась она жалкой.

– Надо же... – задумчиво произнесла брюнетка, а ее подруга, светловолосая, но отличная разве что цветом платья и помады, отступила в тень.

– А вы не хотите дом продать? – эта девушка была настроена куда более практично.

– Нет.

– Подумайте, папенька даст вам хорошую цену...

– Светлана!

– Что? Или хотя бы сдать... на месяцок. Я даже обещаю поливать ваши розы.

Наверное, нормальный человек разозлился бы, Анна же... розы... поливать... если бы здесь были только розы. Небось с ними сладить несложно, даже с тем кустом, который то и дело выдавал полупрозрачные, будто стеклянные цветы, но поймать и закрепить изменение у Анны никак не выходило. Но что они будут делать с тем же плетехвостом, который Анна высадила второй линией? Вместе с плющом будут смотреться интересно, особенно по осени, когда тяжелые листья выцветут до бледно-розового оттенка.

И сам плющ, пока не приживется, капризен. А как приживется, то другая беда: поди-ка попробуй не позволь ему самовольно расползтись по саду.

Оранжерея. И коллекция крохотных суккулентов, которая нашла свое место в комнате, что некогда считалась гостевой. Зачем она, если гостей Анна не принимает.

– Нет, – Анна покачала головой. При всем своем старании девица не справится, да и сомнительно, что старание это будет. – И вам лучше уйти.

Светлана хмыкнула:

– Зря вы так... но хоть квартирантку возьмете?

– Не возьму.

– Что, сами думаете познакомиться? – она явно не привычна была к отказам, оттого и разозлилась, и, не умея с этой злостью совладать, поспешила выплеснуть ее на Анну. – Так вы чересчур уж староваты, ко всему хромаете. Кому нужна хромая жена?

– Ваша правда, никому... – этот мягкий голос заставил блондиночку ойкнуть, а Светлану замереть. – Но еще меньше нужна жена, не обладающая такой малостью, как такт и хорошее воспитание, я уж не говорю про совесть. Совесть, как понимаю, в нынешнем мире роскошь.

Анна почувствовала, как полыхнули щеки, и хотела было закрыть их ладонями, но вовремя – слава Сестрам – вспомнила о перчатках. Была бы потом... красавица с облезшей кожей.

– Простите, – брюнетка, как ни странно, ничуть не смутилась. – Мы не были представлены.

– Не были, – согласился Глеб. – Глеб. Белов.

– Светлана Таржицкая, – брюнетка протянула руку, но та повисла в воздухе.

Неловкий момент, и Глеб явно не собирался сглаживать неловкость. Рука упала.

А Таржицкая... уж не та ли Таржицкая, которая является единственной и горячо любимой дочерью градоправителя, весьма себе пожилого графа Таржицкого, некогда сделавшего имя в боях при Тарчме, за что и жалованного орденом Полярной звезды?

Впрочем, какая разница.

– А это Татьяна. Венедеева...

И опять же звучная фамилия. Венедеевы орденов не имели, зато имели несколько заводов и пеньковую фабрику, которую за последние десять лет дважды расширяли.

– Мы вместе учимся. В Академии...

Об Анне будто бы и забыли. Хорошо. Она не любила внимания, а перчатки стоило снять, пока ненароком и вправду лица не коснулась. Все же отвратительно, когда тебя отвлекают от работы.

– Маг жизни, третий уровень с потенциальным выходом на второй. А вот Светочка уже на втором, но ей прочат великое будущее... она целитель.

– А вы?

– А я... я так, с землей работаю, наивысшее сродство, хотя и тоска смертная. Цветочки, корешочки... порой выть готова, но что не сделаешь, чтобы папеньку порадовать.

Тоска? Земля отозвалась, ей тончайший слой каучука и не преграда вовсе. Смертная? Эта девочка о смерти ничего-то не знает, как не знает и о жизни.

Корешочки... Корешочки расплелись, хотя и норовили ухватить за пальцы.

– Не шали, – прошептала Анна, и плетехвост успокоился.

Он позволил освободить себя от тесного горшка – еще немного и перерос бы окончательно – и поставить в заранее выкопанную ямку, на дно которой Анна бросила рыбы головы. Оценит.

Она осторожно укрыла корни рыхлой землей. И погладила лист, делясь силой. Саженца всего три, но плетехвост растет быстро и силу темную жалует. А силы на той стороне, как Анна подозревала, скопилось изрядно. Это был последний из саженцев, и Анна сняла-таки перчатки, положив их на стул. А после, вцепившись в этот самый стул, попробовала встать.

У нее получилось. Почти. Стул вдруг покачнулся, и Анна, утратив равновесие, стала заваливаться. Упасть ей не позволили.

– Осторожнее, – с легким упреком в голосе произнес Глеб.

И когда вошел? И как? И неудобно получилось. Настолько неудобно, что Анна покраснела.

– Спасибо, – тихо сказала она, цепляясь за руку.

Серая ткань пиджака оказалась жесткой, а сама рука – твердой. Ее подняли. И подали трость. И слегка склонили голову, показывая, что благодарность принята.

– Вы...

– Калитка была открыта. Все хорошо?

– Все замечательно, – Анна оперлась на трость.

Она разглядывала гостя, отметив, что за прошедшие несколько дней Глеб мало изменился. Правда, костюм несколько измят, а на манжете виднеется темное пятнышко то ли крови, то ли грязи. Галстук к рубашке не подходит, а пара серег в ухе, пожалуй, выбивается из мирного, даже степенного образа.

– Эти девушки вас не обидели?

– Меня сложно обидеть. Тем более малознакомым девушкам.

Какой-то странный разговор. Но у Анны вообще с разговорами сложно. И с людьми. С растениями вот куда как проще.

– Это же плетехвост, не ошибаюсь? – Глеб указал на черенки, уже выпустившие плети боковых побегов. – Он ведь ядовит?

– Ядовит.

– И вы...

– Надеваю перчатки.

– Но все равно... это как-то... женщины обычно розы разводят.

– Розы у меня тоже есть.

– А еще венейский плетехвост и плющ, как вижу... и вон там, в уголке, если не ошибаюсь, арвия благородная? Я ее только раз живьем видел.

Арвию Анне привезли из султаната, ответным подарком от многоуважаемого аль-хаяши Им Сумра, с которым она имела удовольствие познакомиться на Третьей международной выставке цветов. Кажется, тогда они поспорили о возможности вырастить сумашайский камнелист в искусственных условиях.

Мудрый человек. Только нервный немного. И арвию прислал, как обещал, а с нею – чудесный сапфировый браслет с парой камней жизни. Жаль, не помогут.

– Она.

– Мне казалось, что вне султаната ее вообще нет...

– У меня есть.

– А в Императорском ботаническом саду нет, – почему-то это прозвучало почти обвинением. Но Анна лишь пожала плечами: Императорский ботанический сад скоро получит ее оранжерею вместе со всеми обитателями и скромными записками.

Кто еще сумеет позаботиться о растениях, когда Анны не станет?

Арвия, аккуратное деревце с серебристой корой, покачала бледными листочками, словно укоряя за неправильные мысли.

Она привязалась к Анне. Она узнавала Анну среди иных людей. Она радовалась ей и делилась что радостью, что силой. Пройдет еще каких-то пять лет, и арвия, быть может, зацветет.

А там и плоды завяжутся. Крупные, сизоватые, покрытые плотной пушистой оболочкой. На вкус они будут невыносимо кислы, но сок их пригодится целителям.

– В Императорском ботаническом саду многого нет, – Анна погладила лист, ощутив легкий отклик. – Вас заинтересовала моя коллекция?

Глеб, присев на корточки, разглядывал плетехвост, который спешил расти.

Солнце. Вода. Сила, до которой он дотянулся. Что еще нужно? Уже завтра ограду оплетут мясистые розовые побеги, на которых чуть позже проклюнутся листья. И плющ поспешит по ним, цепляясь и одновременно укрывая собственной глянцевой листвой.

– И это тоже, но вообще-то я пришел принести извинения.

– За что?

– За поведение моих... гм, подопечных. Знаю, к вам забрался Арвис. Надеюсь, он ничего не сломал?

– Нет.

Мальчик придет еще, если не к Анне, то к ледяным лилиям точно. Анне не жаль. Пускай себе. Сегодня она испечет новое печенье, с сыром и кунжутом. Почему-то показалось, что оценят.

– Он весьма специфический молодой человек, – Глеб поднялся и руки за спину спрятал. И правильно, плетехвост в активной фазе весьма надоедлив. А этот будет расти до заката, быть может, и ночью. И пусть к забору тянется, а не к постороннему мастеру Смерти. – Порой он сам не понимает, что говорит. Его речь... словарный запас... является естественным результатом предыдущей его жизни.

– Откуда он? И... хотите ледяного чаю?

Ей показалось, Глеб откажется, но он кивнул и сказал:

– Хочу. А если и к чаю что найдется, то тоже не откажусь.

Что ж, почему бы и нет.

У нее нашлись маленькие булочки из местной пекарни, ветчина и козий сыр, который Анна любила сам по себе, без булок и масла, чем донельзя возмущала Марьяну. Та, и без того полагавшая, что странностей в хозяйке куда больше, нежели это можно сносить молча, постоянно ворчала.

К ворчанию Анна привыкла давно. И с Марьяной смирилась. Изо всех, кого ей случалось нанимать, Марьяна была самой неназойливой. А ворчание... пускай.

Глава 7

В этом доме было уютно. И дело отнюдь не в светлых стенах и не в террасе, где стояли стол и стулья. Не в простой скатерти и даже не в булочках, остро пахнущих чесноком.

Дело было в самом месте. Странном.

Да, Глеб знал, что женщины любят цветы, но... не настолько же! Растения были везде. В длинных кадках, наполненных мелкими камнями, в высоких вазонах, куда умещались уже почти деревья, в крохотных, с мизинец, горшочках, что стояли на полочках, вытеснив обычные для таких мест фарфоровые статуэтки. Растения вились, оплетая и столбы, на которых лежала крыша, и решетку террасы. Они расстилались разноцветными коврами листьев и спешили заселить все поверхности.

Но это не раздражало. Напротив, она, бледная женщина со светлыми волосами, смотрелась естественной частью этого живого мира... пожалуй, довольно нечеловеческой частью. Куда более нечеловеческой, чем Арвис.

Глеб помог поднять поднос. И расставил чашки. Принял высокий заварочный чайник. И сам наполнил чашки ароматным, куда более ароматным, нежели в столичной чайной, напитком.

– С липовым цветом и мятой, – пояснила Анна, устраиваясь напротив. – Надеюсь, вы не возражаете?

– Ничуть.

– Рекомендую добавить гречишный мед, если любите сладкое. Сахар убивает вкус.

Гудели пчелы, но где-то далеко, и гул этот не вызывал страха, хотя стыдно признаться, но пчел Глеб побаивался. Чай был терпким и сладковатым сам по себе, мятные ноты – легкими. А липа... липа – это всегда липа.

– Арвис... он ведь из радужного народа, верно?

– Исшхасы, – согласился Глеб. – Так они себя называют. Но в нем лишь половина крови, а как такое получилось... не буду лгать, что знаю. Предположу.

Небо было светлым. Солнце – ярким. Женщина молчала, ожидая продолжения истории, которая станет своеобразной платой за чай и несколько минут покоя.

– У исшхасов есть обычай. Они отпускают молодняк гулять по миру, полагая, что тем стоит удовлетворить свое любопытство, а заодно узнать, что и вне холмов есть жизнь. Молодые отличаются от стариков. Они гибче. Куда лояльней к людям. И порой ищут странного, к примеру, связываются с человеческими женщинами. Реже – с мужчинами.

Та деревушка называлась Малые Козлики. И забавно, что козлов в ней не было, не считая разве что двуногих.

Обыкновенная. Приткнувшаяся меж двумя речушками, подпертая с одной стороны лесом, она жила своей неторопливой жизнью, в которое время, казалось, вовсе отсутствовало. Здесь менялись дни и сезоны, но... не люди. Да, кто-то появлялся на свет, кто-то умирал, однако что это меняло?

Нет, деревня не была бедной. Беленые стены домов. Соломенные крыши, а местами и дранкой крытые. Просторные дворы и скот, который здесь ценили куда больше людей.

Тогда еще на подходе Глеба поразили местные коровы – невысокие, но какие-то до того ладные, что взгляда не отвести. Их шкуры цвета темной меди лоснились. Белые рога были круты и остры с виду, а глаза полны печали.

Будто знали что-то.

Его напоили молоком. Просто так, ибо путников положено встречать, ведь всяк знает, что с идущим по дороге и милость Господня, а уж какая, так то от хозяина зависит.

И потому от монетки отказались. Мол, так оно не по обычаю.

Почему Глеб решил остановиться в той деревеньке? Сложно сказать. Может, и вправду притомился, все ж от Збесского кряжа путь был долог. Может, решил дать отдых коню. А может, и вправду Господь, с которым у Глеба отношения не складывались, привел. В нем весьма скоро опознали мага, но не обрадовались, только староста, крепкий еще мужчина с окладистой бородой, вежливо попросил от коров держаться подальше. А то ж мало ли, вдруг молоко закиснет. Взамен он пригласил Глеба в свой дом.

А что, дом был хорош. Каменный. Крылечко резное. Ставни расписные. Лавки. Кудель, которую мучила меланхоличного вида девица, то ли дочка, то ли одна из невесток. В доме былолюдно, шумно и, несмотря на окна, чадно. И Глеб попросился в сарай.

Он все одно к дороге привык. Да и лето на дворе. Солнце припекает. В сарае-то, на душистом сене, совсем иначе спать будет, чем в духоте дома. А взамен он заговорит пару камней от шукш. Нечисть мелкая, для людей неопасная, а вот от курятника ее отвадить непросто.

На том и сговорились.

В первую ночь Глеб просто спал. И спалось хорошо. Он помнит, что видел что-то чудесное, пахнущее молоком и творогом, который принесли поутру. Жирный, рассыпчатый, щедро приправленный сметаной и медом, тот был сладок. И пожалуй, Глеб согласился, что лучшего завтрака и пожелать нельзя.

– Они не знали, ни кем он был, ни к какому племени принадлежал, – про тот творог рассказывать было неуместно, как и про тоненький вой, который разбудил его посреди ночи.

Тогда Глебу почудилось, что воет пересмешник, который любит притворяться ребенком. Вдруг да дрогнет бабье сердце и жалость затмит разум...

Пересмешника следовало изничтожить. И Глеб поднялся.

Он с немалым трудом избавился от сна, где все так же сладко пахло молоком и сеном. Он выбрался из копны, смахнул тяжелый тулуп, выданный ему вместо одеяла.

– Да и только смог добиться, что чужак... думаю, они его даже не видели, кроме дочки старосты. Она родилась красивой, но... как бы выразиться, не особо умной.

Пустота в глазах. Удивление. И рот приоткрытый, будто она точно знает, что ничего не знает. И главное, не притворялась.

– Ее поставили пасти коров. Чем она зацепила исшхасов, вряд ли получится узнать. Подозреваю, всему виной любопытство. Связь их была недолгой. И он ушел раньше, чем узнал о беременности. В общем, от плода бы избавились, если бы не коровы.

Те самые медношкурые коровы с белыми, будто из мрамора выточенными рогами.

– Исшхасы по своему обычаю оставляют подарки. Вот и этот... я не понял, что именно он сделал. У исшхасов совсем иная сила, но коровы изменились. Точнее, девушка их изменила. Поэтому ее и не рискнули тронуть...

Вой то обрывался, то вновь растекался песней по деревне, заставляя нервничать собак. А Глеб все не мог обнаружить, откуда же он доносится.

Но скрипнула дверь. И на пороге появился староста.

– А ну цыц, оглашенный! – рявкнул он кому-то.

Вряд ли пересмешнику. Того и здоровые мужики опасаются, потому как тварь, пусть и невелика, но юрка и коварна, а уж когти ее острее косы будут. Взмахнет рученькой и вскрыет горло.

Вой прервался ненадолго, а после зазвенел с новой силой.

– Тихо, сучье семя! А то разбудишь сейчас... – староста хлестанул кнутом. – Я с тебя тогда шкуру сыму.

Вой звенел.

– Ах ты ж...

– Идем, Костень, – на пороге появилась старостиха, женщина крупная, степенная. В белой ночной рубахе до пят она походила на призрака. – Идем, а то и вправду разбудишь.

– Так ведь...

– Сам знаешь, на нашем сене так спится, что ни один... – договаривала она уже шепотом, и Глеб напрягся. Как-то вот... не любил он этаких сюрпризов. – А ты орешь.

Добавила это женщина с упреком.

– Он же ж не со зла. Голодный. Небось днем не покормил, да и вечером запомнил?

Крякнул староста.

– И воды опять же... сейчас я ему плесну чего, пусть поест, бедолажный...

Глеб сотворил полог. Уж очень интересно стало ему, кого там собралась кормить старостица. Он умел ходить беззвучно, к шишиге подбираться доводилось, что уж говорить о молодой женщине. Та долго возилась в сенах, перебирая горшки, бормоча что-то под нос, то ли супруга ругая, то ли того, воющего.

Наконец, плеснув из горшка в ведро, она подхватила его и пошла. Она минула дом, и сарай, где обретались коровы, обошла махонький, но вполне себе крепкий с виду курятник, чтобы остановиться у зарослей малины.

– Ишь, поперла, – пробурчала, раздвигая колючие ветки. И Глеб шагнул следом.

В малине имела тропинка, которая вывела к старой груше. А уж у корней ее Глеб и увидел решетку.

– Иду, иду... не ори так, – женщина остановилась и, опустившись на карачки, принялась развязывать веревку. – Что за напасть на нашу голову... да кабы не коровушки, кормилицы наши...

Из ямы несло тьмой. А еще болью, гнилью и характерной вонью отхожего места.

– Фу, завтра соломки принесу...

– Кому? – поинтересовался Глеб, и женщина ойкнула, схватилась за сердце. Она охнула, покачнувшись было, но упасть Глеб не позволил. Подхватил под ручку и предложил: – Сама расскажешь или как?

– К тому времени, как интересное положение девушки стало заметно, скот уже в достаточной мере переменился, чтобы гулящую не побии камнями. В деревнях живы некоторые суеверия.

Так, господин магик, она же ж с лесным человеком спуталась, – староста разводил руками и недовольно поглядывал на жену, будто именно ее полагал виноватой во всех нынешних бедах. – А они только и рады отродье свое честным людям подбросить.

Отродье сидело на цепи. Оно было тощим. Грязным. И злым.

Оно скалилось одинаково что на Глеба, что на старосту, признавая лишь старостицу с ее котелками. Оно ело из корытца, шумно чавкая и запихивая обеими руками варево из картофельных очисток и каши, щедро заправленное сывороткой.

А еще оно было темным.

– Мы ж его честь по чести в лес носили, на три ночи. Так не забрали же ж, – староста чесал бороду, а Глеб пытался понять, что ему с полукровкой делать. Оставлять было нельзя, дар давно уже очнулся и перешел в активную фазу. Чудо просто, что малец никого не угробил. – Мы б его того, да... тогда ж что с коровками станется? Коровки-то больно ладные, а молоко-то, молоко... мед, а не молоко.

Анна слушала внимательно. Она подперла щеку рукой, и солнце коснулось бледной ее кожи, сделав ее будто прозрачной. Над ее волосами плясали пылинки.

А неведомое растение с толстыми мясистыми листьями точно опустилось ниже, пытаясь коснуться этих волос.

– Они побоялись избавиться от мальчишки. Но и принять его не приняли. Будь он человеком, да... поговорили б люди, но и только. А вот ту, что с нелюдью спуталась, и камнями закидать могли.

Так же ж дочка... единственная... как же ж... мы же ж... свадебку в том годе... вона, дом тут поставили... коровок дали...

Не из жалости. Из того же нежелания упускать ту, кому посчастливилось – или напротив? – получить дар.

– Сельчанам сказали, что дите родилось мертвым. В деревнях такое бывает. Там порой не любят ненужный приплод, – это признание далось нелегко. – А мальчонку сперва растили в доме, с поросятами, а там уже в яму посадили.

– И что вы сделали?

– Ничего. – Глеб отставил кружку.

Он мог бы устроить процесс. Скандальный. Показательный. И староста со старостихой отправились бы на каторгу. А с ними и дочь, и вся деревня недолго простояла бы.

Но разве стало бы кому от этого легче?

– Написал доклад в министерство образования. Но это скорее для очистки совести. Мальчишку забрал... Им повезло. У него стала открываться сила. Думаю, пара недель, и то, что Арвис не мог сказать, он бы сделал. Для проклятья слова не нужны, достаточно желания, идущего от сердца.

Его пришлось отмывать.

Арвис упирался и верещал, не желая заходить в баню. А после, когда Глеб сам надраивал его тягучим дегтярным мылом, просто выл.

Одежду срывал. Передвигался на четвереньках, и был момент, когда Глеб подумал, что вряд ли из полукровки что-то получится.

– Он со мной два года. Прогресс очевиден, но с речью у него по-прежнему сложно.

Анна молчала.

Смотрела на чашку и молчала. Думала? О чем? О том ли, что назойливое растение все же коснулось волос, легло, выпустив тонкие усики, зацепившись за тонкие же пряди.

– А с ишхасами вы пытались связаться? – Она подняла руку и с легкостью отцепила лиану. – Насколько я знаю, они дорожат своей кровью.

– Пытались. Я трижды отправлял запрос, но возможно, дело в том, что парень темный, а эта сила противна сути ишхасов... хотя в кого тогда? Не знаю. Позвольте ваш амулет?

Она молча сняла амулет с шеи. Протянула. Замерла, наблюдая с интересом.

Что ж, за пару дней проклятье выпило половину, это неплохо, если подумать... если хорошо подумать... Глеб коснулся пальцами кости выпня, которая сама по себе была лишь отличным проводником, а вот тончайший срез жабьего камня, скрытого внутри, служил накопителем и преобразователем.

Сила текла легко. И лишь что-то, коснувшееся ноги, заставило прерваться на мгновение. Очередное растение? Да это же... если Глеб не ошибается, а он не ошибается, поскольку платит вот за эти мясистые листья пунцово-красного оттенка по три рубля за штуку...

Гадючник. То есть у него наверняка было другое название, научное и тяжелое в произношении, но в народе его прозвали гадючником.

Он и вправду на змею походил. Толстые мясистые побеги и крохотные листики, прижатые к ним, будто чешуя.

– Простите, – Анна, улыбнувшись, дернула плетть. – Он весьма жаден до темной силы, а в активной фазе еще и подвижен. Зато мошек нет. Всех переловил.

Гадючник не спешил отпускать ногу Глеба. Сила? Почему бы и нет... а на здешнюю коллекцию, пожалуй, стоит взглянуть поближе.

– Вот, – зарядив амулет силой, Глеб вернул его Анне.

– Спасибо. Мне неловко, но я не стану отказываться. Однако мне будет менее неловко, если вы назовете цену, – она поглаживала толстый стебель. – В таком случае это даст мне возможность обращаться к вам в случае необходимости.

Цену? Отчего бы и нет.

– А листья у вас есть?

– Лобрарии красной?

– Гадючника, – на всякий случай уточнил Глеб.

– Вам утренние или вечерние?

– А в чем разница? – кажется, подобного вопроса от него не ждали. Глеб развел руками: – Я артефактор, как-то все больше с рунами работаю.

Анна склонила голову, показывая, что приняла объяснение:

– В рассветных высока концентрация дубильных веществ, они идеальны для кровеостанавливающих мазей или для составов, которые используют при операциях с плотью. Они замедляют разложение. В то же время в вечерних максимален набор эфирных масел и эфедринов.

Кажется, Глебу стоило бы заглянуть в учебник по травологии. Или...

– И тех и других, – решил он. – Если хотя бы с полдюжины будет...

– Будет, – Анна поднялась. – Идемте.

Спорить желания не возникло.

А в доме пахло лесом, свежим сосновым лесом, и еще немного грозой. Травяным лугом, которого коснулось солнце. Запахи эти никак не вязались с обыкновенною, кроме, пожалуй, обилия растений, обстановкой.

– Вот, – Анна толкнула дубовую дверь. – Моя кладовая. То, что подписано именами, это на заказ. Из остального берите что нужно...

Комната была невелика. Слева вытянулись полки. Справа. И впереди, кажется, тоже.

А на полках... Глеб взял ближайшую коробку, до половины наполненную белесыми комками, на первый взгляд показавшимися просто кусками камня. Но нет, корневища бледной вечерницы. Земляной, кажется, ругался, что достать их почти невозможно.

Тонкие нити кровохлебки черной. И пучки травы, перевязанные лентами. Та же вечерница. Анемоны бледные. Лютик ядовитый и луковичный. Вех... пометка, что полуночный. А на пучке рядом знакомый знак полнолуния.

Корни. И клубни. Листья. Побег. Полупрозрачные склянки. Сухие лепестки в коробках из-под монпансье. И даже куски коры.

– Осторожно, – предупредила Анна. – То, что в красных коробках, лучше голыми руками не трогать.

Глеб и не стал. Он обвел сокровищницу – и ведь никакой защиты, помимо щеколды! – взглядом. А потом сказал:

– Знаете, у меня к вам деловое предложение... вы бы не хотели поработать в школе?

Глава 8

Анна моргнула. Он серьезно?

Нет, ей, безусловно, приятно, что ее кладовую оценили, хотя бы потому, что муж полагал все это дело баловством. Да и не он один – положила руку на сердце, никто-то не относился к увлечению Анны как к чему-то серьезному, стоящему внимания и усилий.

Цветочки? Травки? Пускай, чем бы женщина ни занималась, лишь бы в мужские дела не лезла. Нет, тогда Анна услышала то, что не предназначалось для ее ушей, и все одно было больно. Обидно.

И обида, как оказывается, никуда не делась. А может, ей просто хотелось одобрения?

– Конечно, школы пока нет, но к сентябрю появится, – меж тем продолжил Глеб. – Мы уже занялись реконструкцией. Учеников немного, но, надеюсь, со временем станет больше.

Глеб крутил в руках коробку с клубнями веретеницы, будто не находил в себе сил расстаться с ними. Впрочем, пусть забирает. Все одно через месяц надо нынешнюю популяцию рассаживать, а разрастаться ей некуда, вот и придется часть клубней убрать на хранение.

– Мальчики, сами понимаете, специфические. Но обидеть вас мы не позволим.

– Вы уверены?

В школу? И ладно бы обыкновенную, но для магов... и лестно, и все же вряд ли у Анны получится.

– Я не уверена... я ведь... у меня и диплома-то нет.

Глеб, кажется, удивился. И коробку с явным сожалением на полку вернул.

– Почему нет?

– Есть, но с курсов... два года... в основном нас учили правильно сочетать букеты и погружать цветы в сон, чтобы стояли дольше. А с университетом как-то не срослось.

Сперва денег не хватало, потому что дар у Анны слишком слабый, чтобы рассчитывать на стипендию, да и учеба Никанора забирала все его время. Кто тогда работать будет?

Потом же, когда деньги появились... то зачем? И разве охота ей, взрослой состоявшейся женщине, садиться за парту? Тем паче что с состоянием дар не усилился, работать... к чему работать, когда и так неплохо?

– То есть, – Глеб очертил полукруг, – все это вы сами?

– Мне было интересно.

Все началось с той самой оранжереи, которая, следовало признать, была убежищем. Тихим местом, в котором Анне не нужно было притворяться женой того самого Лазовицкого. От нее никто не требовал блистать или хотя бы соответствовать.

Зато были первые орхидеи, купленные мужем по случаю. И махонькая коробочка с семенами придорожной пыльницы. Ее Анна приобрела у старухи, которая продавала травы и сказала:

– Все одно не вырастет. Ей свобода нужна.

Выросла. Пусть и три чахлах ростка из более чем полусотни, и два погибло, пока Анна поняла, что им нужно.

– Что ж... – Глеб почесал переносицу. – Я не думаю, что отсутствие диплома так уж важно. Вы знаете и умеете то, что не знают и не умеют другие. Это имеет значение. А бумажки... надо будет, сам вам выпишу. Просто подумайте над моим предложением.

Анна думала.

Нет, она не собиралась. Она... у нее своя жизнь. Тихая. Устоявшаяся. Ей немного осталось, что бы там ни говорили целители. И что плохого, если оставшееся время она не захочет тратить на какую-то там школу, где... зачем мастерам Смерти травы?

Глеб, верно, догадался о ее сомнениях, и тихо произнес:

– Взамен я попробую разобраться с вашим проклятьем.

Земляной сидел за столом, на этот самый стол закинув ноги, и разбирал приглашения. Горка конвертиков на серебряном подносе пахла духами. Многими. Сразу.

И Земляной, выудив очередное письмо, подносил его к носу, принохивался и морщился. Затем взмахивал ножом, правда, не для бумаг, а собственным ритуальным, и освобождал очередную визитную карточку.

– А ты популярен, друг мой, – сказал он, помахав перед носом белым прямоугольником, на котором поблескивали золотом завитушки. – Семь приглашений к ужину, два – на театральную премьеру...

– Здесь театр есть?

– А то... два года уж как построен. И труппа, уверяю, мало чем хуже столичной. Княгиня Соболева значится большой любительницей этого дела. А старая карга, надо признать, весьма переборчива.

Карточка отправилась в пузатую урну для праха, уже наполовину заполненную другими карточками.

– Что-то важное?

– Ужин, – Земляной убрал ноги. – Ужин, который ты пропустил, был важен. Твоя Аделька, конечно, вся извелась, но, похоже, осознала, где ее место. И ужин не испоганила, да... подавали карпа, запеченного с картофелем. Соус... великолепен. Я впервые объелся.

Он похлопал себя по впалому животу.

– Извини, тебе не оставили, потому как шляешься невесть где, а мы тут голодные сидим.

– Я весть где шляюсь, – возразил Глеб, впрочем, пропущенный ужин оставил его равнодушным, тем более у Анны он перекусил, а на кухне, глядишь, и сыщется кусок хлеба, а если повезет, то и масло к нему. Надо только подождать, чтобы Адель убралась.

Упрямство девицы вызывало невольное уважение. Правда, не такое, чтобы и вправду сближаться с ней. Хватит и того, что Глеб вежлив. И будет вежлив, пока девица соблюдает договор.

– И как соседка? – поинтересовался Земляной. – Жива?

– Мы должны снять проклятье.

– Да? – Земляной приподнял бровь. – Она настолько хорошенькая?

– Нет.

– Богата?

– Понятия не имею.

Состоятельной особой Анна не выглядела. С другой стороны, содержимое ее небольшой оранжереи говорит об обратном – тех растений, что принадлежат Императорскому ботаническому саду, куда как больше, но там точно нет и третьей части того, что собрала Анна.

– Тогда откуда такой самоубийственный альтруизм?

В урну отправилась очередная визитная карточка, на сей раз вызывающего угольного цвета, аккурат по последней столичной моде.

– Оттуда, – Глеб протянул коробку, которую собрала Анна. – Взгляни.

Нераспечатанные конверты – а ведь придется возиться, рассылать визитки, отвечать, тратить время на то, что в обществе принято называть вежливостью, – отправились на пол.

Земляной приподнял крышку. Вытащил сверток. Развернул. И замер.

– Это же...

– Вечерница. К слову, у нее коробка таких клубней.

На лице друга и партнера появилось то самое выражение нежности, которое случалось во время недолгих, но довольно-таки частых влюбленностей.

– Моя ж ты...

В следующем свертке оказались листья.

– Кровянка красная... ты знаешь, сколько это стоит? А здесь... тонконог сизый? И говоришь, у нее еще есть?

– Целая кладовая.

Земляной бережно раскрывал свертки, совал длинный нос, вздыхал и убирал обратно.

– Слушай, а может, ты на ней женишься? – он поднес к губам нечто похожее на ком то ли пуха, то ли белой пыли. – Она умрет и завещает нам все...

– А может, лучше мы снимем проклятье и оставим ее при школе вместе с оранжереей, в которой все это растет?

– Вечерница не растет в оранжереях.

– В обыкновенных, может, и не растет, а вот у Анны вполне себя неплохо чувствует. Зацветать вот будет.

– Зацветать? – Земляной встрепенулся. – Seriously? Когда?

– Понятия не имею.

Блеск в глазах Алексашки несколько настораживал.

– Это же... – он вскочил, но пух свой не выронил, напротив, держал в сложенных горстью ладонях, бережно баюкая. – Это же... ты не понимаешь... пыльца вечерницы... она зацветает через пять лет в лучшем случае... и если снять пыльцу, то...

– Пыльца там тоже была. Кажется. Не уверен.

– И ты не взял?!

– Я ж не знал, что она тебе нужна...

– Двоечником был, двоечником остался. – Пух вернулся в коробку, а Земляной вытер руки о штаны. – Значит, так, завтра ведешь и знакомишь меня с этой... чудесной женщиной, а дальше мы вместе думаем. Думаем, думаем, глядишь, чего-нибудь надумаем. А нет... будем напрягать старика.

– Полагаешь?..

Алексашка нежно погладил коробку, которая, надо полагать, весьма скоро окажется в лаборатории, в старом шкафу, на двери которого Земляной навесил пару щитов и амбарный замок в слабой надежде уберечь сокровища от подопечных.

Выражение лица его, весьма живое, сделалось отчетливо тоскливым.

– Я постараюсь сам, конечно, но... дед хоть и дерьмо редкостное, но лучший в этом деле...

– А ты?

– А я... ты же помнишь. Бездельник. Бездарь... что там еще? Я даже не уверен, что он отзовется. Хотя... зависит от того, что там за проклятье. Любопытство у деда всегда было сильнее гордости.

Анне не спалось.

Подобное и прежде случалось, и тогда она выбирала из череды склянок ту, которая с узким горлышком и сургучной печатью. Отсчитывала семь капель терпкого травяного настоя, растворяла их в молоке, глядя, как приобретает оно характерный голубой оттенок.

Пила. Закусывала горечь медом. И возвращалась в постель.

Снотворное дарило яркие сны, и порой возникало даже искушение прибегнуть к нему просто так, ради самих снов, но Анна держалась.

Сегодня она, покачав на ладони пузырек – оставалось больше половины, – вернула его на место.

Проклятья не снять.

Ей обещают, но Анна точно знает, что его не снять. Снова будет боль. И мучительное восстановление, только вместе с телом вернется и тьма. И прорастет в очередной раз. В который? Она не знала. Бросила считать после дюжины...

Так зачем себя мучить? Или ей интересно? Школа. Дети.

Своих у нее никогда не будет, а эти... полукровка, который понравился снежным лилиям. И тот, другой, слегка застенчивый, но явно гордящийся собственной силой. Он старательно держался по-взрослому, только от этого не переставал быть ребенком.

Есть и другие...

И никто не заставит Анну остаться при школе, если ей не понравится. Зато ей не нужно будет искать накопители с темной силой.

Она прижалась лбом к холодному стеклу.

Она не ответит согласием. Согласие – это обязательства, которые Анна не хотела на себя принимать. Ей не так много осталось, чтобы тратить время на исполнение ненужных обещаний. Она... она всего-навсего попробует.

Ветер коснулся щеки, будто утешая. Зазвенели едва слышно листья камнелистника, стало быть, через пару дней и снимать придется, чтобы, налившись тяжестью, не повредили побегу.

Опять же, можно мальчишек попросить.

И в оранжерее много работы. Стоит признать, что Анна не успевает. И быть может, давно следовало бы нанять помощницу, но почему-то мысль о посторонних людях в ее владениях вызывала глубочайшее отторжение.

Тогда выходит, что соседка она не воспринимает посторонним? Как такое возможно?

Ветер пощекотал шею, скользнул по рукам, обвивая их теплом.

Завтра. Анна подумает обо всем завтра. А сегодня... семь капель, молоко и пол чайной ложки меда.

Сны получились цветными.

Они появились с самого утра, ее странные соседи.

– Доброе утро, – Глеб приподнял шляпу, приветствуя Анну и госпожу Верницкую, которая взяла за привычку прогуливаться по улочке, пристально наблюдая за всеми. – Надеюсь, не помешаю...

От снов осталось ощущение волшебства. И робкое ожидание чуда.

– Хочу представить вам моего друга и соратника. Александр Земляной.

Еще один мастер Смерти, тьма которого, в отличие от силы Глеба, ощущалась остро, болезненно даже. Она не просто окутывала мужчину, она пронизывала все тело его, наполняя что кости, что плоть. И ему, должно быть, было тяжело.

Но он улыбался. Так легко и искренне, что Анна почти поверила. Вот только ветер, от которого не спрячешься, шепнул: «Ложь».

И Анна согласилась. А еще испытала легкое разочарование: она не любила лжецов, пусть и таких вот очаровательных.

Александр раскланялся с госпожой Верницкой, поцеловал обе ее руки, что-то сказал... Анна не услышала. Она смотрела на тьму. Она слышала тьму.

И Александр понял.

Его улыбка на мгновение потускнела, а из глаз выглянула тьма, та самая, живая, любопытная. Кто сказал, что она так уж сильно отличается от людей?

– Несказанно счастлив быть представленным даме столь безусловно очаровательной... – он поцеловал и руку Анны, легко коснулся губами, но проклятье тотчас ожило. – Простите. Порой забываюсь. Привычки, они такие. Где бы мы могли поговорить приватно?

Он не отбросил маску насмешника полностью – ветер знал, что все люди носят маски, только одни привыкают к ним более других, – но лишь позволил коснуться края себя настоящего.

Не Анне – ветру. Ветер, он видит куда больше людей.

– Прощу. Только... – она поморщилась, пытаясь унять внезапную боль в ноге. Снова левая. Вот уж не хватало. Ольга Витольдовна смотрит и не собирается упускать ни мгновения этого спектакля. – Не будете ли вы так любезны...

Руку подал Глеб.

– Благодарю.

Она давно уже не испытывала стыда, прося о помощи. В конце концов, это ведь нормально, каждому может понадобиться...

В гостиной было прохладно.

А стоило закрыться двери, как Глеб подхватил Анну на руки:

– Куда?

– Туда давай, – Земляной вытащил кресло. – Вот так. Прощу потерпеть. Это даже хорошо, что оно ожило, нам нужно снять слепок. Сидите смирно.

Анна сидела.

Жесткая спинка. У всех кресел в доме жесткие спинки и массивные подлокотники, и сама мебель такова, чтобы на нее можно было опереться.

– Потерпите, это недолго, – голос Глеба доносился из-за спины. – Земляной у нас один из лучших специалистов по проклятьям.

– Вообще-то я больше по големам... проклятья – это так, тяжелое наследие прошлого и неисполненные надежды предков. Одного конкретного.

Он говорил, отвлекая, но Анна не дала себя обмануть. Она замерла, предчувствуя боль. И тьма коснулась висков. Потекла по шее, слизывая холодную испарину. Она просочилась под рубашку, обняла плечи. Она перехватила дыхание и пробралась внутрь, наполнив легкие словно водой.

– Дышите, – приказали Анне.

И она задышала.

Тьма наново вылепила ее кости, натянув поверх платье из мышц и прикрыв все это полупрозрачной кожей. А руки на голове теперь ощущались как-то отдельно от ее тела.

– Отлично... совсем немного осталось. Приготовьтесь, я разбужу проклятье. Нужно взглянуть на него поближе. Но будет больно.

Анна знала. Анна умела терпеть боль. Ей так казалось.

И она сделала глубокий вдох. И расслабилась, готовая принять удар. А тьма... тьма ко тьме... в черной-черной комнате черный-черный кот, который не желает даваться в руки. Тьма любит играть, и с Анной тоже. Боль все не приходила и не приходила, и Анна даже подумала, что, возможно, ничего не получилось, когда вдруг вся ее призрачная кожа вскипела. А следом и кровь.

И она хотела закричать, но тьма закрыла рот мягкой лапой. А потом свет и вовсе померк.

Глава 9

– Что ты... – Глеб успел подхватить тело, которое вдруг съехало набок. И голова повисла на тонкой, чересчур уж тонкой шее. Рот приоткрылся, а из длинного, с весьма характерной аристократической горбинкой носа потекла кровь.

– Ничего. Так даже лучше.

Кровь шла и у Земляного.

Сперва из левой ноздри его выглянула змейка, затем из правой. Он раздраженно махнул рукой, растирая кровь по лицу, и велел:

– Посади ее как-нибудь и убирайся. Мешаешь. Фонит.

Глебу хотелось сказать, но...

Он поправил тело, оперев его о высокую спинку кресла, и отступил. А потом еще отступил. Если с первого раза не выйдет, то придется все начинать сначала. Меж тем Земляной вытащил из сумки полупрозрачную аметистовую пластину и закрыл глаза. Теперь кровь шла и из ушей, стало быть, проклятье не то что непростое...

Алексашка часто сглатывал, а после он наверняка сляжет, станет брюзглив и зол, запрется в какой комнатухе потемнее и погрязнее, откуда хорошо если к ночи выберется. Земляной ненавидел быть слабым.

Согласится ли дед?

У старика норов. И сила, которой мало кто из живущих ныне наделен. Если не он, то вдвоем с Алексашкой можно попробовать сдержать рост.

К примеру, та же смесь урановой воды и белой глины давала неплохие результаты. На мышках.

Земляной матюкнулся сквозь зубы и сунул палец в ухо. Чешется, стало быть. Не выдержал и прислонился к стене, потерся о нее, закрывши глаза. А трещины на руках приоткрылись, выпуская сукровицу. Она застынет, зальет руки темным воском, который если и сдирать, то сразу с кожей.

Дед нужен. Но что ему предложить?

Пластина в руках Алексашки медленно наливалась светом. Одна. И вторая.

Деду надо будет отправить копии. И лучше, если письмо напишет Алексашка. Он хоть и сбежал из рода подальше от тяжелой дедовой руки, а все одно любимый внук, что бы там ни говорили. Глебово письмо со старика станется просто в камин отправить, не читая.

Алексашке Глеб торт закажет. Шоколадный. Даже два.

– Йесть, – скорее выдохнул, чем произнес, Земляной, убирая в сумку четвертую пластину. – Еле хватило... – Он вновь вытер локтем кровавый нос и опустил в кресло.

– Ее...

– Я купировал пару основных каналов. Роста это не сдержит, но хотя бы замедлит. Надо будет попробовать с водой...

– А не опасно? Мыши...

– Ей уже ничего не опасно, – Земляной поднял плечо, прижимая воротник к уху.

– Будить?

– Не стоит. Сейчас ей не то чтобы плохо, но и до хорошего далеко, а через пару часов, глядишь, совсем полегчает. Отнеси куда-нибудь, и надо бы целителя, пусть присмотрит. У нее есть целитель?

– Должен быть.

Анна оказалась удивительно легкой, а еще от нее пахло кровью и травами. И, мешаясь, запахи эти тревожили Глеба. Нет, как женщина она ему не нравилась. Он предпочитал других. Поярче. И пофигуристей.

Желательно замужних, это избавляло от неловких ситуаций, когда ожидания дамы не соответствовали намерениям самого Глеба.

Анна вызывала... нет, не жалость. Почему-то не получалось жалеть ее. А вот интерес был.

В ее спальне гулял ветер. Он трогал тонкие гардины, тревожил горшки с цветущими растениями. Глеб понятия не имел, что это за растения, но было красиво: розовые, белые, голубые шапки цветов, которые поднимались над белоснежными горшками.

Светло. И неудобно. Его сюда не звали.

Он положил Анну на кровать. Подумал, сунул под голову подушку и саму голову повернул набок на случай, если кровотечение из носа не остановится. Целителя... да, придется звать, а пока не придет, самому остаться.

– Миленко, – Земляному никогда не хватало того, что нормальные люди называют тактом. – Определенно, мне здесь нравится.

– Шел бы ты...

– Не могу, – он сел на пол, вытянув ноги.

На ботинки налипла земля, комки которой тут же осыпались и на паркет, и на светлый ковер.

– Ты ее не оставишь, а мне одному плохо... и вообще, у нас там дети без присмотра. Они, конечно, после ночи умотавшиеся. Но ты же знаешь, насколько быстро эти засранцы восстанавливаются.

В этом была своя правда.

Земляной прижал подбородок к шее, и кровь капала на темное сукно пиджака, который нынешним вечером отправится в камин.

Алексашка достал пластину и, подняв ее, уставился... и смотрел, смотрел...

– Кстати, я там телефон видел.

– Где?

– Там, – Алексашка указал куда-то в коридор. – Так что наша Анна далеко не бедна, если может себе позволить... иди целителя вызывай. Если ей станет хуже, от нас толку мало.

Телефон обнаружился в небольшой гостиной, которая от прочих комнат отличалась разве что полумраком и темно-зеленым цветом стен. Но и здесь обосновались растения. Кривоватое дерево застыло в углу, но стоило появиться Глебу, и меж корней его появились змееобразные отростки ловчих плетей.

Надо же, ночной саабшар...

– Спокойно, – сказал Глеб, кинув на растение сеть. Быть сожранным ему не хотелось. Растение выглядело довольно старым. Материнский ствол достигал двух саженей в поперечнике, а на ветвях спели полупрозрачные пузыри с семенами. – Мне только позвонить...

Записная книжка обнаружилась рядом с аппаратом. Всего две страницы. Десяток имен. Молоко. Бакалея.

Это не то... а вот и номер, отмеченный змеей. Целитель. Ответили, к счастью, быстро. Повезло.

Земляной перебрался на постель. Он лег рядом с Анной, не удосужившись снять ботинки, поднял пластину над головой и уставился в нее с презадумчивым видом.

– Иногда мне начинает казаться, что тебя в детстве мало пороли.

– На полу жестко. А ей пока все равно. Да успокойся, спит она, хорошая защитная реакция, – он шмыгнул носом. – Но можем считать, что нам повезло. Дед точно не пройдет мимо. На, взгляни...

Отпечаток получился четким. Проклятье походило даже не на паука, на сколопендру, прилипшую к позвоночнику. Она точно повторяла форму его, высунув тончайшие нити конечностей, которые дальше разделялись на еще более тонкие, тянувшиеся к сердцу.

Они уже росли в перикард. Оплели воротную вену печени. Затронули кишечник и почти проглотили почки. Они образовали гроздь вторичных тел над почками.

– Не так смотришь. Не на него само смотри, поверни чуть боком. Обрати внимание на оттенок. И на то, как расслаивается в верхней части. На самую верхнюю часть. Видишь зазор между ним и позвоночником в грудном отделе?

Едва заметный, тоньше волоса.

– А еще вот, – палец ткнулся куда-то в размытое пятно. – Видны следы иссечений, восстанавливается эта тварь довольно быстро, однако не настолько быстро. В общем, я готов сожрать свои носки, если это не переведенное проклятье.

– Что значит – переведенное? – Анна не испытывала боли, морфий ли тому был виной или просто день выдался удачный, но боли не было.

Слабость вот имела. И в ушах слегка звенело. Звон этот раздражал, казалось, он настоящий, мерзковатый довольно. И мешает Анне уснуть. А спать хотелось.

– Да, накачали вас... – Александр выглядел не слишком хорошо. Его лицо обрело желтизну, выдававшую проблемы с печенью, а под глазами появились темные мешки. – Но слушать вы способны. Выпейте.

Он плеснул из фляги травяной отвар. Черный. Тягучий.

– Пейте, пейте, не бойтесь. Травить вас я не стану, а в голове прояснится. Хотя не обещаю, что потом эта голова не будет болеть.

– Что ты...

– Всего-навсего темьянский бальзам.

– На семнадцати травах? – Анна осторожно приняла чашу с жидкостью, о которой лишь слышала. Отвар пах... грязью. И на вкус был немногим лучше.

Она полулежала в гостиной, стараясь не думать, как оказалась в ней. Лежать было вполне даже неплохо, особенно, если не обращать внимания на звон.

И на гостей.

Земляной устроился в кресле, перетащив его к софе. Острые его колени упирались в край, и Анна старательно на них не смотрела. Но тогда приходилось смотреть на темные, какие-то неприятные руки Александра. А вот Глеб устроился у окна и отчего-то выглядел донельзя смущенным.

Виноватым?

– Он самый, он самый... и на вашей крови, поэтому должен помочь. А что до проклятья, то что вы о них вообще знаете?

– Немного. Знаю, что прокляли мою мать, а я... оно перешло на меня.

– Его перевели на вас, – уточнил Земляной, сам прикладываясь к фляге. – Изначально. – Он прижал флягу ко лбу и прикрыл глаза. – Не обращайтесь внимания, я потому и бросил это дело, что никакого здоровья не хватит. Так вот, мы живем в относительно мирное время, прелестное даже, я бы сказал... какие сейчас проклятья? Сглаз? Или вот пожелает нераскрывшийся одаренный чего-нибудь такого в запале. Но, как правило, неструктурированные проклятья живут недолго.

– А мне сказали, что мое как раз из таких... что оно просто перешло...

Земляной поморщился.

А звон отступил, и слабость с ним, что хорошо, потому как морфий Анна не любила, чувствовала себя под его воздействием... другой. Неправильной.

– Видите ли, Анна, среди моих собратьев много всяких и разных. Это как с целителями. Одни больше кости любят, другие – мясо. Третьих хлебом не корми, дай в мозгах поковыряться. Так и с темными. Вот Глебушку взять...

Упомянутый Глеб лишь плечом дернул.

– Он у нас специалист по темным артефактам. Щиты вот. Или, напротив, ловушки. Живое оружие, зачатое на кровь. Особо ценится. Я большей частью големов леплю. А вот проклятья... сейчас остался один действительно знающий проклятийник. – И Александр отчетливо поморщился. – Мой дед. Он учил меня, но выяснилось, что кровь и талант – разные вещи, да... к чему это я? К тому, что человек, вами занимавшийся, конечно, сделал многое, но вряд ли он был в курсе некоторых тонкостей. Чтобы стихийное проклятье выжило и закрепилось, должно совпасть многое, начиная с положения звезд и заканчивая сродством магии. Обычно из стихийных выживают лишь материнские проклятья. Но снять их... – Он развел руками.

– Думаете, мама...

– Не спешите. – Александр сделал глоток и закрыл глаза. – А почему у вас прислуги нет?

– Не люблю чужих.

– Прямо как мы, но лучше подыщите кого-нибудь. Если дед за вас возьмется, вам легко не будет.

– Не отступай от темы, – Глеб отвернулся от окна. И флягу у приятеля отобрал. – Извините, Анна. Он у нас любит болтать. И не любит огорчать людей.

– А что в этом хорошего?

У Земляного были широкие ладони с потемневшими пальцами. Случается, когда кто постоянно имеет дело с агрессивными средами. Определенно. Черная кайма под ногтями. И сами эти ногти кривоватые, кое-где расслаивающиеся. А меж пальцами кожа покраснела, шелушиться начала.

– Ничего, – сам себе ответил Александр, почесывая руку. – Но да, придется... видите ли, Анна, когда на человека накладывают проклятье, у него есть несколько вариантов. Смириться и умереть, что, к слову, происходит не так уж редко. Или попытаться снять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.